

Павел Мамонтов

Командир

16+

Мир Колоний

Павел МАМОНТОВ

Командир

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мамонтов П. А.

Командир / П. А. Мамонтов — «ЛитРес: Самиздат»,
2015 — (Мир Колоний)

Мир Колоний. Здесь – граница между своими и чужими всегда в шаге от тебя. Здесь живут и побеждают те, кто сражается насмерть. На земле Александр Ахромеев был командиром отдельной роты спецназа. Здесь он – командир разведчиков, самых умелых, храбрых и опасных воинов русской колонии. В мире, где враги владеют магией, а нечисть не фантазия, а страшная реальность, выживают те, кто докажет свое право на жизнь. Докажет, что меткая пуля и земная военная тактика ничуть не слабее чужеземного колдовства.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Пролог

Александр Ахромеев, бывший командир отдельной роты специального назначения, не спеша прошёлся по кухне, опёрся на подоконник. Высокий, статный, с уверенным волевым лицом, он в свои далеко за сорок был почти в такой же идеальной физической форме, что и двадцать лет назад. Но в том-то и дело, что почти.

Кухня его квартиры была обставлена скромно, но не бедно, особенно для нынешних обстоятельств. Стол, стулья, пара шкафов – всё как раньше, на Внешней Земле. Только вытяжка газовой плиты тянулась не к вентиляции, а была подсоединена к трубе, уходившей в стену, – в далёкие трудные времена эта плита служила ещё и печкой.

Под потолком висел абажур с лампочкой, но Ахромеев специально не включал свет. На улице сгустились сумерки, окна квартиры выходили на Северные Развалины – ряды гигантских опустелых многоэтажек. Целые кварталы заброшенных, обветшалых, частично разобранных многоэтажных домов с черными провалами окон. В сумеречной мгле Развалины давили своим видом, вселяли чувство беспокойства, а то и вовсе страха.

От них стеной частокола и полукилометровой зоной отчуждения отгородился Зелёный Город – столица одноимённой Колонии. Живой город, в котором за право жить в новом Мире боролись тысячи людей, попавших с Внешней Земли. Колонистов.

Бывший спецназовец видел в окнах с распахнутыми ставнями электрический свет, людей, занимавшихся своими делами: готовивших еду, купавших детей, споривших о чём-то, целовавшихся. С улицы доносились голоса прохожих. Вдалеке, тоже на севере, но значительно ближе Развалин, гудела и дымила трубами ТЭЦ. Контраст между Северными Развалинами и Зелёным Городом был настолько разительным, что трудно представить, как две такие разные среды могут оказаться рядом.

Александр Ахромеев с тоской подумал, что это его Город и он отвечает за всех его жителей. Пусть он и ушёл с официальных постов, но всё ещё выполнял крайне важную работу, и это была вовсе не охрана караванов, на которую он подрачился для вида и ради лишней монеты. Сколько сил он вложил в создание Колонии, в спасение этих простых жителей! И всё равно этого мало. Нужно ещё работать.

Бывший командир спецназа, бывший разведчик, ещё ниже склонился над подоконником. Боль зародилась где-то в мозгу, разлилась по правому полушарию. Пронзила висок и начала пульсировать, отдаваясь в глаз и в затылок. Александр стиснул зубы, успокоил дыхание, пытаясь справиться с нахлынувшим приступом. Ему почти удалось, когда юношеский возглас ото-звался новой вспышкой боли.

– Пап, я с парнями собираюсь по банкам пострелять. Можно «тэтэшку» взять?

– Бери.

Сын замолчал, было слышно, как он переминается с ноги на ногу.

– А Лика, можно она пойдёт с нами? – наконец решился спросить сын у отца.

– Можно, – сухо разрешил Александр.

Загрохотал ящик стола, каждый удар отзывался тупой вспышкой боли в голове.

– Пап, в стволе только одна обойма. Я возьму ещё две?

– Да.

Виктор опять с шумом запихнул ящик в стол, потом зашёл за сестрой, Ликой, и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Его отец выдохнул, принялся массировать правый висок. Боль отступила, но не прошла, угнездилась где-то в центре головы.

«По банкам стрелять из ТТ», – сварливо, но с оттенком удовольствия подумал Александр.

В возрасте Виктора он мог только из мелкашки-воздушки пару пулек положить в мишень где-нибудь в парке.

«Разве что дед мог дать пострелять из своего именного», – с улыбкой вспомнил Ахромеев далёкое детство.

Сын Витя, Виктор, гордость отца, в свои пятнадцать лет показывал такие результаты, половины которых не достигал Александр, когда был на пике формы и в расцвете сил. Виктор вырастал настоящим воином, умелым отличным бойцом. Разведчиком!

А ведь у него кроме отличных физических данных и умения великолепно стрелять были ещё другие, особые, способности.

И всё-таки отец ещё многому мог научить, помочь, преподать урок, наставить на правильный путь.

– Господи, мне нужно ещё время, дай мне ещё немного, – пробормотал Ахромеев, чувствуя, как боль вспыхивает с новой силой.

Лица, сестра Виктора, краса и гордость отца, ненаглядная девочка, – высокая, очаровательная, с длинными чёрными волосами и так похожая на мать. Она обещала стать необыкновенно красивой женщиной. К тому же у неё открылся настоящий талант к пению.

Если б не тот недавний случай, из-за которого Александр так крепко взвился на своих детей... Он даже ударил Лику – впервые в жизни. Вспоминать об этом до сих пор мучительно.

Ахромеев вышел из кухни и достал из шкафа в гостиной таблетки. Он выждал положенное время, теперь можно было принимать лекарства. За здоровьем надо было следить тщательно. Здоровье – это время, которое он проведёт в этом Мире и ещё чем-либо поможет своим детям и Колонии. Боль отступила окончательно, растворилась где-то в черепной коробке. Александр закрыл глаза, сел в кресло.

Часть I

По законам природы

1. Новые враги

За пятнадцать лет до описываемых событий

Женщина была мертва, лежала навзничь, глаза слепо смотрели в небо, грубое шерстяное платье пропиталось кровью. На вид убитой было лет тридцать или чуть меньше. В разрубленной грудной клетке виднелись сердце и лёгкие, груди женщины свисали на землю под неестественным углом. Её убили мимоходом, одним ударом топора опрокинув на землю. Она наверняка даже не поняла, что случилось. Её убили, как и два десятка других жителей недавно построенного посреди лесов городка Колонии. А сам форпост колонистов в диком мире сожгли дотла. Только частокол и остался. Хорошо, что сюда детей не успели привезти. В только что образованные поселения детей не ввозили.

Александр Ахромеев, командир группы разведчиков, обследовавшей разорённый форпост, подошёл к телу.

«Убью, суки, всех убью, порешу тварей, – думал он. – Вместе со щенками всех перережу».

Лицо его, благородное и красивое, в этот момент походило на застывшую стальную личину шлема, только желваки вздувались из-за стискиваемых челюстей.

В обход холодных и яростных мыслей текли другие размышления, спокойные, расчётливые: «Всё правильно, так и должно было быть. Рано или поздно это должно было случиться. Но вот ведь зараза – как не вовремя!»

– Хром! – окликнули командира группы по позывному.

Разведчик отошёл от убитой, обогнул пару штабелей обугленных балок, которые сутки назад были скелетом жилого дома, и подошёл к самому большому строению. Пожарище осматривал Сэнсей – единственный из всего подразделения разведчик-гражданский. Лет ему было за двадцать пять. Он не проходил спецподготовку, но ничуть не уступал остальным бойцам Хрома, проверенным ещё в спецоперациях на Большой Земле. Кличку он получил за то, что мало того что был мастером единоборств, но и мог за пару дней вдолбить основы самоза-

щиты любому заторможенному тюфяку и научить применять их на практике. Причём вдолбить именно те навыки, которые тюфяк мог реально использовать в зависимости от своих физических возможностей. Да и человеком Сэнсэй был понимающим, мудрым, о чём не раз высказывались его соратники.

Сейчас он стоял напротив обуглившейся, ещё отдававшей теплом стены и сквозь выгоревший оконный проём рассматривал внутренности барака. На плече у разведчика висел комплекс «Вал», экипировку составлял типичный маскхалат, разгрузка и берцы.

– Ну что? – спросил у него Хром.

Они с Сэнсэем работали в паре, только Хром остановился у убитой, а Сэнсэй прошёл дальше.

– Смотри, командир, внутри никого не осталось, все снаружи.

Хром посмотрел на семь исколотых, изрубленных тел, валявшихся кучей возле выхода из сгоревшего барака. Спецназовец наклонился, осторожно (как будто нападавшие могли заминировать трупы) высвободил двустоволку из окоченевшей руки, раскрыл ружьё. В обоих стволах находились патроны.

– Они выбежали из дома и не стреляли, – задумчиво проговорил Хром. – Думаешь, рассказы про эту ментальную силу не болтовня?

Ярослав (так на самом деле звали Сэнсэя) пожал плечами, стянул зелёную бандану, почёсал вспотевшую голову. Хоть и стояла осень, а припекало здорово. Волосы у Сэнсэя были длинные, выющиеся, глаза большие зелёные, чуть раскосые. Взгляд, казалось, проникал в самую суть того, на что бы ни обратил внимание Сэнсэй. В общем же лицо у Ярослава было красивое, славянское. Хром ни разу не пожалел, что взял его в группу. У Сэнсэя была отменная физическая форма. А как он двигался, что в бою, что в рейде – загляденье! Легко, бесшумно, будто танцевал. Ахромеев понимал толк в походках и пластике, но, что самое важное, Сэнсэй мог обучать такой походке других. Не всех, конечно, и далеко не сразу, но, при острой нехватке кадров, Ярослав для Хрома был просто подарком судьбы.

Ахромеев положил ружьё и вытащил рацию, запросил:

– Первый отряд, доложите.

Ещё двое разведчиков, Рог и Гусар, осматривали поселение, через секунду последовал их доклад.

– Выживших не обнаружили, ничего подозрительного не нашли, – ответил сочным басом боец Рог.

– Дозорный?

– Вокруг чисто, – бесстрастно доложил Скрипач – снайпер группы, дежуривший на частоте.

– Второй отряд? – спросил командир.

Пока Хром с тремя разведчиками осматривал разорённое поселение, рабочая тройка из «замка»¹[Заместитель командира группы.] Пайзы, разведчика Каскадёра и пулемётчика Василька осматривала периметр на предмет оставленных следов.

– Нашли след восемь часов назад, уходит на северо-запад, порядка двадцати особей, раненых нет. Продолжить поиск? – хриловато, чуть шепелявя, доложил «замок».

– Нет. Группа, общий сбор.

Первыми вернулись Рог и Гусар. Рогу, осанистому, широкоплечему, было лет под тридцать. Гусар, голубоглазый парень с лицом старшеклассника, был самым молодым в команде. Затем подошёл Скрипач. Глядя на спокойное, невыразительное, но красивое лицо, его вполне можно было принять за музыканта из симфонического оркестра, только изрядно мускулистого. В его руках действительно любое оружие «играло», как хорошо отлаженный инстру-

¹ Заместитель командира группы.

мент. Последней вернулась тройка Пайзы: вихрастый и широкоплечий блондин Василёк, который вообще-то был артиллеристом, за что и получил позывной²[152-мм миномёт называется «Василёк»], коренастый Каскадёр, который славился крутым нравом и редкой упёртостью, но за друзей стоял насмерть, и сам Пайза – слегка сутулый раскосый азиат с крупными желтыми зубами.

Группа собралась вместе, бойцы молча ждали приказа.

– Вольно, в круг, – приказал Ахромеев и присел на корточки, разведчики последовали его примеру. – Пайза, как всё случилось?

– Их было десятка два. Атаковали двумя группами с разных сторон. Дозорные их заметили уже под самым носом, успели пару раз выстрелить, и их сбили. Нападавшие мигом преодолели частокол, ворвались в поселение, подготовиться к бою никто не успел. Сам бой занял минут десять. Не бой – резня. Потом всё сожгли.

– Необычное заметили?

– Гильз стреляных очень мало, – высказался Гусар.

– Еды никакой не взяли, – добавил Рог.

Больше ни у кого замечаний не было, а Сэнсэй всё уже высказал командиру.

– Угу. Значит, так, – сказал Хром, вставая и с хрустом потягиваясь, – идти ввосемь-ром по следу на их территорию глупо. Вызов оперативного отряда займёт двенадцать часов, к этому моменту они уже уйдут. Сейчас возвращаемся в Город, там собираем команду и через несколько дней устраиваем облаву по всем правилам. Рог, – обратился он к разведчику, который помимо снаряжения тащил за спиной ещё и рацию (правда, радиус действия у неё был невелик, километров пять-шесть – мешали естественные помехи Мира), – передай в штаб, чтобы удвоили... нет, утроили наблюдение на постах Города и всех форпостах. Особенно в Западных лесах и на торфяных заготовках. Причину не говори, нечего панику разводить. Ещё передашь, чтобы готовились сюда завтра выслать оперативный отряд, надо собрать оставшееся оружие и имущество. Всё. Группа, десять минут на отдых – и марш домой!

Разведчики разбрелись. Взгляд Александра зацепился за след, оставленный одним из нападавших.

«Как же всё это не вовремя», – ещё раз с досадой подумал разведчик.

След выглядел как отпечаток босой ступни, похожей на человеческую. Ахромеев топнул рядом берцем: рифлёный след был почти в два раз меньше отпечатка ступни.

Группа ровной колонной двигалась по свежей просеке в столицу Колонии. Позади осталось сожжённое поселение. Солнце в синем небе давно перевалило зенит. Пёстрый ковёр опавшей листвы уже устилал землю, но по бокам просеки шуршали ещё не облетевшие берёзы, клёны и дубы. Наступала осень.

Первым заметил неладное Пайза. Он, как и положено «замку», шёл замыкающим. На роль замыкающего всегда выбирался самый опытный после командира член группы. На нём лежала особая и сложная задача – прикрывать всю группу и не быть убитым, поскольку замыкающего страховать некому. На Большой Земле бывали случаи, когда спецподразделение в ночном рейде теряло по одному бойцов, идущих в хвосте, а остальные этого даже не замечали.

Заподозрив опасность, Пайза подал сигнал остальным:

– Чи-чи, – еле слышно выдал он совершенно неподозрительный на фоне шумевшего леса звук.

Разведчики замерли. Пайза знаками показал обернувшемуся Хрому, где увидел угрозу: на два часа, пять метров вверх, в листве дуба. Порядком поредевшая крона скрывала могучий, в два обхвата, ствол, но в ней угадывалось движение. Чуть позже оттуда донеслось частое уханье, знакомое Александру по передаче «В мире животных» и другим научно-популярным про-

² 152-мм миномёт называется «Василёк».

граммам, которые он любил поглядывать между выполнением домашнего задания и секцией карате. Так кричали обезьяны в джунглях. Только сейчас вокруг была средняя полоса России и кричала на дереве уж точно не обезьяна.

– Хвойный орангутанг? – предположил шёпотом Гусар.

– Орангутанг не стал бы к себе внимание привлекать. Нечисть, скорее всего, – пробасил Рог и смачно сплюнул.

– Разбежались на тройки, – приказал Хром.

Группа разделась на три части. Первый отряд – Рог, Гусар и Василёк с пулемётом – залёг с краю просеки, чтобы работать с фланга по дереву, на котором затаился враг. Вторая тройка – Пайза, Сэнсэй, Каскадёр – пошла напрямую к противнику. А Хром и Скрипач отошли назад, на другую сторону прорубленного тракта, прикрывая обе тройки с тыла, находясь в промежутке между ними.

Василёк не спешил открывать огонь вслепую на подавление – берёт патроны. Другие разведчики тоже не стреляли: если на дереве действительно тот противник, о котором они думали, для его уничтожения понадобится много патронов. Увы, останавливающее действие автоматной пули довольно мало. Вообще, под останавливающим действием понимается то, насколько быстро пуля определённого калибра полностью выведет из строя противника, но чаще эти слова воспринимаются буквально. То есть сколько кинетической энергии может передать пуля при попадании, тем самым разорвать мышцы, сломать кости, в конце концов, отбросить противника, а не пролететь насквозь и застрять где-нибудь в стенке или мирном заложнике. Современные модели автоматов проектировались для стрельбы на дальних дистанциях, короткими очередями или быстрым одиночным огнём по противнику в бронежилетах и совершенно не годились для условий, в которых работала группа Ахромеева. Поэтому все автоматчики Хрома были вооружены старыми, но проверенными АКМ калибра 7,62. У этого патрона останавливающие воздействие всё-таки повыше, чем у 5,45.

Девятимиллиметровый «Вал» Сэнсэя гораздо лучше подходил для ближнего боя, для которого, собственно, и создавался. А вот по останавливающему действию не было равных «Сайге» Каскадёра. Только скорость стрельбы у неё оставляла желать лучшего: попробуй-ка быстро три раза нажать на спуск, когда после каждого выстрела отдача такая, словно в плечо осёл лягнул. Да и магазин на шесть патронов тоже не добавлял уверенности.

Тройка Пайзы клином, с Каскадёром на острие, приближалась к дубу, с которого доносилось уханье. Вторая тройка разведчиков, готовая в любой момент открыть огонь, держала под прицелом крону. Хром прикрывал Скрипача сзади от угрозы из леса и, как командир группы, оценивал ситуацию в общем. Он нервно постукивал указательным пальцем по предохранителю АК. Ему очень не хотелось, чтобы нечисть атаковала. Тратить патроны на никому не нужную стычку было до обидного жалко.

Пайза с парнями подошёл на пять метров к дубу и остановился как раз тогда, когда существо на дереве выпрыгнуло из листвы. Бесформенный зеленоватый ком взмыл с дерева и, кувыряясь, рухнул на землю. Тварь совершила поразительный прыжок на несколько десятков метров и приземлилась точно между двумя тройками разведчиков.

Специально она это сделала или нет, но стрелять им было нельзя – сектора обстрела оказались друг напротив друга. Пайза и остальные сработали с похвальной быстротой: прыгнули в разные стороны, открывая директрису³[Прямая линия, по которой измеряется дальность выстрела] второму отряду. Каскадёр на лету даже успел выстрелить – дробь, авось не долетит до товарищей.

Хром хорошо разглядел тварь, приземлившуюся как раз напротив них со Скрипачом. Это был хвойный орангутанг, точнее то, что когда-то было хвойным орангутангом. Плешивая,

³ Прямая линия, по которой измеряется дальность выстрела.

словно изъеденная молью, зеленоватая шерсть, под которой виднелась чёрная кожа, сгорбленная фигура, длиннющие лапы с толстыми короткими когтями на пальцах, красные глаза, гримаса бешенства на роже. В плечо твари ударила дробь, та даже не отреагировала, вперившись взглядом в командира разведчиков.

Александр ясно запомнил её чёрные бездонные колодцы зрачков в обрамлении лопнувших красных сосудов. Он выстрелил одновременно со Скрипачом. Обе пули попали в грудь нечисти, но видимого эффекта не произвели. Тварь прыгнула. Хром отпустил автомат, потянулся к пистолету в разгрузке, одновременно отклоняясь в сторону.

Сердце его гулко стукнуло, кольнуло в груди – и по телу будто прошёл разряд тока, его восприятие мира вдруг изменилось.

Ахромеев отчётливо видел тварь, она летела, вытянув лапищи с когтями-крючьями, но так медленно, словно не в воздухе, а в тугом водном потоке. Звуки стали тягучими и глухими. Хром со Скрипачом, словно в замедленной съёмке, отклонялись в разные стороны, уходя от атаки нечисти. Тело Александра, предельно напряжённое, продолжало двигаться: ноги со страшным усилием разгибались, плечи чуть перекосились, поясница будто налилась свинцом. Словно он стал тяжелее в несколько раз, но, скособочившись, пытается встать на цыпочки.

Стопы, наконец, оторвались от земли. Александр летит куда-то вбок, Скрипач в противоположенную сторону, хоть и не так быстро. Нечисть приземляется между ними, бестолково вертит башкой.

Хром в полёте успел выхватить пистолет (проверенный «Стечкин», подаренный за одну очень рискованную операцию на Большой Земле) и выстрелить несколько раз во врага. Пули вспороли шерсть цвета свежего мха, оставили цепочку ран и даже немного опрокинули нечисть.

Ахромеев грохнулся спиной о землю (приземление отозвалось тупой болью в груди), проехался пару метров по прелой листве, не прекращая стрелять. Тварь прыгнула за ним вдогонку. Ахромеев её встретил длинной очередью, справа и сзади в неё ударил автоматный и пулемётный огонь соратников. Пули прошли нечисть насквозь, вырвали куски чёрной плоти и изменили траекторию её прыжка. Хром выбросил навстречу падающей нечисти обе ноги и мощным ударом отправил увесистую тушу дальше в полет.

По ней, влёт, как по «бегущему кабачку»[Движущаяся мишень, используется на соревнованиях по стрельбе]⁴, ударили очереди, тогда же Хром услышал звуки, которые только позднее смог идентифицировать как:

– Лежи, командир!

Кто-то из разведчиков предупреждал его, чтобы он не попал под шальную пулю. Хром дострелил последние два патрона в обойме по летящей твари, и раз... у него внутри словно что-то оборвалось. Время возобновило свой обычный бег, звуки стали привычными. Только бешеное сердцебиение напоминало о произошедшем.

Александр приподнялся, увидел, что Скрипач отступает в лес, отстреливаясь из пистолета от нечисти. Та махала лапой (вторая висела плетью) и подбиралась к снайперу, волоча ноги. Хром молниеносно перезарядил магазин, выстрелил в спину твари, надеясь попасть в позвоночник. Его поддержали остальные разведчики. Стрекот автоматов слился в сплошной резкий звук. Сгорбленная спина нечисти переломилась пополам, тварь рухнула в траву, но продолжала сучить лапами.

Каскадёр хладнокровно подошёл к ней вплотную и всадил заряд картечи прямо в затылок. Нечисть всё ещё шевелилась.

– Не тратьте патроны, – тяжело дыша, приказал Хром. – Нарубите лапника и сожгите её.

⁴ Движущаяся мишень, используется на соревнованиях по стрельбе.

Каскадёр и Сэнсэй скрылись в лесу, через минуту вернулись с охапками хвойных веток, сбросили их на дёргавшееся в конвульсиях тело и подожгли. Сразу поднялся премерзкий запах, как если бы в старом склепе забили свинью.

Тем временем Пайза помог встать Хрому:

– Всё нормально?

Его раскосое лицо выражало озабоченность.

– Да, всё... порядок уже, – со свистом выдыхая воздух, ответил его командир. – Раненых нет?

– Откуда? Только до тебя этот ублюдок дотянулся. Лихо ты от него ушёл.

– Это уж точно.

– На вот, держи, пей.

Пайза извлёк откуда-то из недр разгрузки небольшую охотничью фляжку. В ней оказалась крепкая ягодная настойка.

– Для снятия адреналина подходит, – объяснил Пайза.

– Вот мне как раз для снятия адреналина и нужно, – ответил Хром, делая ещё пару глотков.

Сердцебиение пришло в норму. Александр по-хозяйски оглядел просеку, сказал:

– Воняет здесь. Рог, пометь место на карте, а когда вернёмся, расскажи в штабе, как дело было, пусть предупредят командира оперативного отряда, что в посёлок пойдёт. А теперь быстро собрать гильзы, строимся и бегом марш.

2. Город

Главное и самое крупное поселение Колонии встретило группу Ахромеева ярким светом прожекторов, бившим прямо в глаза. В наступавших сумерках это было особенно неприятно. Но это было не проявлением негостеприимства, а прямым распоряжением самого Ахромеева, чтобы любого подошедшего к периметру Города вечером и ночью освещали прожекторы и держали на прицеле стрелки с частокола. Сами прожекторы тоже размещались на частоколе – грубой ограде из плохо отёсанных брёвен с заострёнными верхушками, из-за гребня которой торчали головы стрелков, вооружённых чем попало.

Посреди этого неказистого сооружения виднелись ворота из досок с железными полосами. В воротах – калитка, около неё пятеро солдат и кинолог с парой овчарок на поводу. Ахромеев, подходя к воротам, размашисто перекрестился, выудил из-под разгрузки и тельняшки нательный крестик, показал главному дежурному. В это же время разведчика придиричиво обнюхали собаки. Обычные земные овчарки, а не ублюдки, которых сейчас выводили в вольерах Города для охоты и выслеживания местной фауны.

Дежурный с классическим «Ремингтоном 870» в руках удовлетворительно кивнул, отодвинулся, давая дорогу, и взял на прицел следующего разведчика.

Уже за воротами Города Ахромеев оказался в окружении солдат. Никто не приставал с расспросами, но пара десятков служивых крутилась рядом в надежде услышать новости от самого коменданта Города. Наёмники, как окрестил этих солдат Хром, потому что они были непрофессиональными военными, а воевали за жрачку и деньги, отличались от остального населения тем, что им не нашлось применения на каком-нибудь внутреннем производстве, но у них хватило смелости рискнуть своей жизнью.

Ахромеев не проронил ни слова, чтобы не давать поводов для паники. Дошёл до оперативного штаба в ста метрах от ворот, распрощался со всей группой. Никого задерживать не стал: у всех кроме непосредственной работы в Разведке полно других обязанностей.

Сам Хром зашёл в оперативный штаб. Выслушал доклад о подготовке отряда наёмников к рейду в сожжённую деревню. Одобрил состав. Просмотрел сводки – слава Богу, обошлось без других серьёзных происшествий. Ещё раз распорядился, чтобы устроили наблюдение в остальных поселениях и войска привели в полную боеготовность. Приказ ушёл в отдел связи, где на

громоздких радиостанциях будут азбукой Морзе передавать распоряжения коменданта Города – Александра Ахромеева. Хрома.

Покончив со штабными обязанностями, Александр объявил на двенадцать часов завтрашнего дня большое совещание в Администрации и отправился к себе домой отдыхать. Заслужил. Тем более, завтра опять намечался тяжёлый день. Как и последние года два подряд.

В свою квартиру на третьем этаже старенькой хрущёвки Александр вернулся уже в половине десятого. В доме его встретила одна из двух кормилиц, нанятых им для присмотра за детьми. Ольга – дородная, словно сошедшая с полотна Кустодиева грудастая блондинка с вечным румянцем на щеках – всплеснула руками, увидев хозяина:

– Ой, Александр Иванович, вернулись, радость-то какая, – запричитала она шёпотом, но у неё всё равно получалось довольно громко.

– Вернулся. Дети спят?

– Как миленькие. Такие крепкие, здоровенькие. Почти не плачут, не капризничают. Даже Витя, Лика-то уже взросленькая. Вы идите, Александр Иванович, в душ ополоснитесь, я еду разогрею.

Александр последовал её совету. Минут пять боролся со слабостью, накатившей под тёплыми струями душа, но устоял. Довольный и расслабленный, в чистой майке и штанах вышел на кухню.

Обстановка там осталась почти неизменной: столы, обеденный и разделочный, пара шкафов, плита. Всё как во времена Большой Земли, когда Вика ещё была жива... Больно кольнуло.

«Нет, не сейчас, прекратить», – мысленно приказал себе Ахромеев.

Вытяжка над плитой раньше уходила в вентиляцию, а не в соседнюю стену. Всё потому, что топились плита теперь не газом, а углём. Мороки, конечно, больше, но зато зимой её можно было использовать как печку.

Оля поставила на стол перед хозяином квартиры тарелку с супом и ещё одну с гречневой кашей, перемешанной с тушёнкой в пропорции чуть ли не один к одному. Нарезала большими ломтями хлеб и поставили ещё одну тарелку, со свежими огурчиками. Пока осень и урожай только собрали, можно ни в чём себе не отказывать. Хотя Хрому и его детям и так грех жаловаться на недостаток, не то что другим колонистам. Оля принялась хлопотать на кухне, что-то тихо напевая. От плиты шло приятное тепло. Топили её и торфом, от этого на кухне воздух был сухой и отдавал можжевельником. Александр ел в полном молчании, даже вкуса не чувствовал. Единственное, чего сейчас хотелось бывшему спецназовцу, – спать.

– Вы бы сходили детишек проведали, – вдруг сказала Оля.

– Что? – отвлёкся Хром.

– Говорю, сходили бы на детишек посмотрели, Лику с Виктором. Такие красавцы.

– А, конечно.

Оля улыбнулась и ушла.

«Интересно, – про себя размышлял Хром, – что она обо мне думает, когда я ей так отвечаю?»

Александр всё-таки пришёл к детям, когда кормилицы уже легли спать. Зашёл бесшумно в детскую, чтобы не разбудить ребятишек и вторую кормилицу, двоюродную сестру Ольги – Нику. Тихо подошёл к яслям, в которых мирно спали два карапуза. Лике было полтора годика. Вите – только шесть месяцев.

Александр тяжело опёрся на решетчатую спинку одной из детских кроваток, вспомнил о жене – Виктории. Снова стало больно. Больно не в груди, а просто больно. Как может болеть где-то в одном месте, когда ты потерял часть себя? Виктория умерла через десять дней после рождения сына. Аллергия на питательные батончики, которые прислали с Большой Земли. Когда Виктории не стало, это было... страшно. Александр до сих пор не мог понять, почему он ещё живёт. Как у него хватило смелости пережить всё это? Помогли друзья, работа и чувство

ответственности. То поганое чувство ответственности, которое не даёт сложить руки, а толкает вперёд, заставляет работать и жить дальше, даже когда жить не хочется. Чувство ответственности – его прививают всем, кто служит в спецподразделениях. Ответственности за себя, за товарища, за задание, за беспомощного заложника, которого нужно спасти, а не дать обкуреному ваххабиту подорвать его вместе с собой. А ещё его удерживало чувство ответственности за своих детей: Лику и Витю, за их будущее.

И всё-таки Александр с болью смотрел на них, потому что сразу вспоминал жену. Наверное, поэтому он с ними и виделся так редко, даже в промежутках между работой. И ещё потому... Нет, он не винил детей в смерти матери, но боялся, что станет их винить. Ведь если бы Виктория не родила Виктора, она не слегла бы после тяжёлых родов. И ей не стали бы выдавать эти поганые белковые батончики, на которые у неё оказалась аллергия. Вот так, а вы думали: спецназовцы ничего не боятся и не чувствуют?

– В конце концов, я им сейчас не нужен, – успокоил себя Хром. – Забота, ласка, тепло – вот что им важно в этом возрасте. А как подрастут, тогда я ими займусь. Научу всему, что умею. Воспитаю достойными людьми.

Александр лежал на кровати, заложив руку под голову, и думал. Несмотря на усталость, сон не шёл.

«Как же это нас сюда забросило? – в который раз размышлял он. – Ладно, как именно, мне знать необязательно, от этого ни холодно ни жарко. Но что вокруг происходит? От чего это зависит и к чему приведёт?! Что нужно делать, чтобы не вляпаться в неприятности, или наоборот – не делать. Нечисть эта, магия ещё... С ней-то как быть? Как защититься от неё и использовать?! И, главное, что со мной опять случилось, когда та тварь на меня кинулась? Реакция на стресс, выброс адреналина? Рассказывали опытные бойцы, что такое бывает. Берсеркова болезнь. Или вот – „форсированный режим“. Тоже хорошее название. Хм... научиться бы это использовать, когда захочу. Только я не берсерк, и разум мне терять нельзя. Маги эти новоявленные тоже мозги треплют. Защиту прав им подавай. Профсоюз магов – звучит-то как глупо. Но что-то с ними делать всё равно придётся».

У многих колонистов после попадания в Новый Мир появились особые способности. Кто-то мог спичку зажечь, кто-то усилием воли коробок с этими спичками с места сдвинуть. А кто-то мог внушить отдать эти спички и продуктовые карточки в придачу. Одного такого шутника повесили неделю назад по прямому приказу Хрома. И тот ещё хорошо отделался. Пока его вели в тюрьму, милиции пришлось отбиваться от горожан, желавших пообщаться с мошенником. Те, у кого никаких способностей не появилось, на обладающих магией будут смотреть косо и при первой же возможности избавятся от них, как от потенциальной угрозы. На голом инстинкте. А если позволить магам создать свою организацию, то через некоторое время они возомнят себя сверхлюдьми и процесс чисток и геноцида обратится уже на простых колонистов. Обычные человеческие инстинкты, редко когда бывало по-другому.

Но Хрома эти проблемы занимали сейчас меньше всего. Пока перед колонистами стояли более насущные проблемы – голод, нечисть, а теперь ещё и аборигены – внутренней резни не будет. Серьёзной, по крайней мере. Хром за этим проследит. И ему действительно очень нужно было понять, что же с ним происходило во время «острых» ситуаций. Как и любой военный, он терпеть не мог ничего непонятного и недосказанного.

У него самого после попадания в Новый Мир все чувства обострились, как бывало только во время разведрейдов на Большой Земле. Восприятие окружающей действительности и даже самого себя изменилось, стало ярче, острее.словно с глаз сдёрнули пелену, а из ушей и носа выдернули затычки. Хрому нравилось произошедшее с ним, но вопрос, почему это произошло и к чему приведёт, не давал покоя.

«Что же с нами дальше будет?» – комендант Города Александр Ахромеев сам себе задал не положенный военному философский вопрос. И уснул.

* * *

Проснулся Хром без будильника в начале восьмого. Сделал лёгкую гимнастику, сполоснулся под душем и принялся завтракать. Перекусив, отодвинул тарелки и заварил себе крепкий сладкий кофе. Это был своеобразный ритуал, как разминка перед спаррингом, как медитация. Утром, что бы ни случилось, выпить за десять минут кофе, в полной тишине и спокойствии. Молча обдумать предстоящий день, подготовиться.

Хром, как был – в тельняшке, сел за стол, отхлебнул кофе. Вспомнился сожжённый городок, убитые колонисты.

– Какие суки, всех убью, и щенков их тоже, – в ярости прошептал Хром.

Всё логично. Всё случилось так, как и должно было случиться. Два вида разумных существ не могут ужиться вместе в одном ареале обитания. Теперь колонисты и аборигены будут сражаться друг с другом насмерть. Просто потому, что аборигену оставить в живых кого-то из колонистов – значит отобрать еду у собственных детей. Аборигенов придётся вырезать всех, под корень, иначе никак.

Но тут же, когда ярость спала, мелькнула другая мысль: убью всех, а справедливо ли? Нет, это был не приступ благородства, а просто честная непредвзятая мысль ради той же справедливости, хотя бы перед самим собой.

Гуманоидов, которых можно назвать разумными, колонисты встретили двух видов. Одних называли снежными людьми, вторых – неандертальцами.

Снежного человека Ахромеев полгода назад видел сам недалеко от Города на самой опушке леса. На Большой Земле снежный человек, если это, конечно, не фантазии бухих туристов, нечто вроде большой обезьяны. Но тот, кого видел Хром, на обезьяну мало походил, скорее на обросшего шерстью здорового мужика с выдвинутыми вперёд челюстями. В руке он держал длинное копьё с отполированным до блеска наконечником, что само по себе говорило о недюжинном интеллекте.

Представителей второго вида Ахромеев не встречал, но по рассказам очевидцев и останкам, найденным в паре могил, можно было судить, что они походили на вымерший подвид людей – неандертальцев. Коренастые, с выступающими надбровными дугами и очень сильные, раз могли конкурировать со снежными людьми.

После того как Александр увидел снежного человека (или снежный человек *дал* себя увидеть), он сразу приказал привести на это место ищеек. Псы брать след отказались. После этого Хром строго-настроено запретил любые попытки выследить аборигенов. Без собачек у коренных жителей будут все преимущества на своей территории, а копьё с каменным наконечником с тридцати метров ничуть не менее эффективно, чем автомат. А то и вовсе: заманят аборигены в болота или в яму с заточенными кольями на дне – и пиши пропало.

Весь прошлый год каждый месяц шли донесения, что видели то там, то здесь коренных жителей. Докладывали даже о нападениях, успешно отбитых конечно.

Месяц назад возле сожженного форпоста группа охотников встретила снежных людей. Колонисты открыли огонь и ранили аборигена. Ахромеев сам видел кровь на месте стычки. А потом снежные люди сожгли поселение.

По существу это их земля – снежных людей и неандертальцев. Они тут жили испокон веков. И вдруг появились колонисты. В чём винить аборигенов? В том, что без предупреждения напали на своей же земле? Или в том, что женщин убили? А что с ними ещё они могли сделать? К себе в племя взять да кормить, ну и пользоваться время от времени, если, конечно, снежный человек может трахнуть женщину с Большой Земли? И то, что колонисток просто убили, могло оказаться большим везением. Хром знал нравы индейцев на Большой Земле, так что снежные люди вполне могли принести пленных колонистов в жертву крайне неприятным способом.

А может, женщин аборигенам стоило вернуть в Город? Мол, извините, а мужчин мы убьём. А Хрому следовало сказать: делайте что хотите, аборигены, раз это ваша земля, только женщин и детей не убивайте. Как будто женщины и дети долго проживут, если всех мужчин-охотников перебьют.

Вот такая вот ситуация. Поэтому Хрому надо убить всех снежных людей, чтобы выжили его колонисты. Без вариантов.

Раздался нетерпеливый телефонный звонок. Александр нутром почувствовал, как от него исходят неприятности. Ответила Ольга:

– Квартира Ахромеевых.

А потом торопливо прибежала к Александру на кухню. Тот ещё не допил кофе. Положенные десять минут ещё не истекли.

– Александр...

Хром вскинул руку. Ольга осеклась, а он одним глотком осушил кружку.

– Теперь говори.

– Передали: нарушение периметра случилось. Сказали, вам не мешало бы прибыть.

– Они что, сами справиться не могут?

– Не знаю.

– А знаешь, Оля, может, это и лучше, – произнёс Хром, чувствуя, как разгорается внутри боевой задор.

Он быстро сбегал в спальню. Надел лёгкий кевларовый бронежилет, достал из шкафа «Ремингтон», копию того, что держал дежурный у ворот, обулся в боевые берцы и лёгкой походкой направился к двери. Очень хотелось посчитаться с местной фауной за то уничтоженное поселение. Хоть с кем-нибудь. По пути назад заглянул в ванную, там Нина купала детей: Лика ещё сидела в ванне, Виктор, уже вытертый насухо и причёсанный, деловито оглядывал комнату со стула. Александр подмигнул детишкам и вышел из квартиры.

– Оля, я буду поздно, что делать, ты знаешь. Пока, – сказал он на прощание.

* * *

За те три с лишним года, что колонистам приходилось выживать в новом Мире, Город изменился. Изменился даже запах, его аура, что ли. Самый первый год, особенно зимние месяцы, Город пах страхом, отчаянием и безысходностью. Александр хорошо помнил, как он шёл по улице и ловил на себе полные надежды и мольбы взгляды простых обывателей. Некоторых успокаивал, говорил, что всё будет хорошо, хотя понимал, сколь много их не переживёт зиму. Тогда Город пах копотью из буржеек, человеческим потом и кислой вонью заскорузлой одежды. Люди жили вдесятером в одной комнате, отапливаемой вонючей самодельной печкой, спали вповалку в домах частного сектора, потому что только их можно было нормально обогреть.

Странно, вроде той зимой были идеальные условия для эпидемии: тысячи людей, полуголодных, испытавших сильнейший стресс, кучковались в выстуженных помещениях, без минимальных средств гигиены. Но эпидемии не случилось. Чему за это говорить спасибо: самоотверженной работе врачей, внутренним резервам человеческого организма или жёстким мерам карантина, – Ахромеев не знал.

Зима прошла, наступила весна, и Город завонял: лопнувшей канализацией, небранными трупами и гнилью. И с этой проблемой справились. Опять обошлось без эпидемий и прочих неприятных последствий. Пришло лето. Оно принесло с собой в Город чистейший воздух подлинно девственной природы. А вместе с ним к Городу начали подбираться зверьё и нечисть, распуганные Прoryвом.

Вдруг оказалось, что любой дикий зверь может запросто загрызть мирного колониста. И даже огнестрел – не гарантия безопасности. Самыми опасными оказались не львы и волки, раз в полтора крупнее своих сородичей с Большой Земли, не полутонна туров и трёхмет-

ровые медведи, а гуманоидные приматы и нечисть. Нечисть очень трудно убить – это свирепые, безжалостные твари, не знающие ни страха, ни боли. А приматы, вооружённые заострёнными палками и когтями, охотятся стаями и могут легко пробраться в любое место. Пришлось срочно создавать дежурные команды для патрулирования улиц и обносить Город частоколом. Огородили не весь – только пару десятков кварталов вокруг ТЭЦ. Большая часть оказалась заброшенной – так появились Северные Развалины.

Самое фиговое во всей этой ситуации было то, что нечисть, приматы и некоторые другие животные как-то могли воздействовать на разум и эмоциональное состояние людей. Нет, это не было чем-то вроде львиного рыка, внушавшего первобытный страх. Это было именно воздействие на мозг и на чувства человека. Новоявленные маги Города называли это ментальной силой. Пускай будет ментальная сила. Хром не раз замечал, как, например, встречаясь со стаяй мохнатых бабуинов, на него накатывало чувство страха – не куража, как на охоте, а именно страха. Но бывший спецназовец умел бороться со страхом, да и встречи эти долго не длились, поскольку автомат в умелых руках неизменно круче зубов, когтей и всякой там ментальной силы.

Ахромеев вышел на нужную ему Шолоховскую улицу.

«Как глубоко в Город пробрался ублюдок», – с негодованием подумал он о звере или нечисти, проникшей за частокол.

Нужный дом определить было легко – обычная хрущёвка среди десятков таких же в квартале, только оцеплённая цепочками солдат. Перед ней, перекрывая улицу, скопилась достаточно большая толпа.

Как отвадить местную живность, предложил Каскадёр, а Александр поддержал. Толя рассказал историю времён покорения Кавказа генералом Ермоловым. Тогда русские солдаты, по своему обыкновенному раздолбайству, забыли затащить до темноты в крепость пушку – лафет сломался – и оставили её на дороге. Храбрые нохчи, естественно, попытались ночью эту пушку умыкнуть. Да вдруг из крепости прямо по столпившимся на дороге врезали картечью. Стоны раненых и умирающих слышались до утра. На рассвете нохчи попытались вытащить хотя бы своих раненых – по ним опять ударили картечью.

Всё новое – это хорошо забытое старое.

К идее подошли творчески. Поймали в капкан мохнатого бабуина – метровую тварь с десятисантиметровыми клыками и когтями, пушистую, как птенец пингвина. Весил бабуин не больше сорока килограммов, но состоял, зараза, из одних мышц. Неподготовленному человеку вмиг мог кишки выпустить.

Бабуина подвесили за ногу на столбе, на окраине Города. Ночью сородичи попытались его вытащить, и вокруг столба сработали закладки. Два кило тротила не пожалели для дела. Остатки бабуинов потом разбрасывали по окрестностям города. Позарившихся на падаль животных отстреливали. Без разницы: кабанов, волков, львов, медведей и нечисть, конечно.

Устраивали капканы, ловушки, даже мины закладывали. Боеприпасов истратили немало, зато теперь артели лесорубов достаточно было натереть руки и подошвы сапог ветошью, которой чистили оружие, и любой зверь, унюхав запах оружейной смазки и пороха, трижды подумает, прежде чем приблизиться к людям. Даже нечисть, если имеет хоть каплю мозгов, на крупный отряд людей не нападёт. Жаль только, со снежными людьми и неандертальцами такой фокус не прокатил.

С тех нелёгких времён прошло больше двух лет. Сейчас Город пахнет свежим воздухом, к которому изредка примешивается отдающая кислым гарь от дымящей ТЭЦ. Люди же, идущие навстречу Хрому, смотрели с почтением. От безысходности не осталось и следа, осталась, скорее, собранность, уверенность в завтрашнем дне и готовность за него бороться.

Хром подошёл ближе к столпившимся на улице и сразу понял, почему Сэнсэй, который дежурил по Городу в эту ночь, вызвал его. Толпа оказалась не одна. И Ахромеев сразу узнал тех, кто возглавлял противоборствующие стороны.

– Так, что за собрание, почему беспорядок посреди Города? – мощным баритоном осведомился Хром, проходя сквозь расступающуюся перед ним людскую массу. Александр вышел как раз на линию раздела противоборствующих.

– Извини, Хром, что дёрнул, – сказал Сэнсэй. – Я подумал, что тебе стоит поприсутствовать. А ты, смотри, решил очень активно вмешаться? – разведчик указал на «Ремингтон».

– Посмотрим. Ну, я слушаю. В чём проблемы?

Лидерами двух партий колонистов были Сергей Борисов, самый известный маг Города, и Михаил Игнатьевич, один из церковных священников. Его-то Хром тут увидеть не ожидал – раньше он не появлялся на таких сборищах.

С появлением Хрома шум в толпе поутих. Борисов и Михаил Игнатьич смотрели друг на друга, как медведь на росомаху. Оба носили бороды. И на этом их сходство заканчивалось. Маг выглядел таким аристократическим франтом: элегантное чёрное пальто, лаковые остроносые туфли, безукоризненно уложенные волосы и борода клинышком. К этому добавлялся снисходительный взгляд с лёгким налётом превосходства. Впрочем, превосходство при появлении Хрома испарилось. Лет Борисову можно было дать тридцать пять-сорок.

Михаил Игнатьевич выглядел старше лет на десять. На висках и в окладистой бороде у него уже появилась седина. Вдоль глаз протянулась сеточка морщин. Сами глаза были удивительной чистой синевы и казались даже немного неуместными на таком лице. Одет священник был в старую рясу, которая из-за довольно коротких рукавов напоминала поношенное кимоно. Под ней угадывался лёгкий бронежилет.

– Так в чём спор, чего не поделили? – командным голосом осведомился Хром.

– Это маги всё. Из-за них Ваньку Малютина нечисть сожрала, – заорал толстый мужик с выпученными глазами, тыча из-за плеча Михаила Игнатьевича.

– Кто кого сожрал? Что ты городишь, пьянь синюшняя? – парировала со стороны Борисова симпатичная женщина.

– Ты кого пьянью обозвала, шалава?! – выкрикнули уже из глубины толпы.

– Чё вякнул, мудило?

Вмиг поднялся ор. Теперь уже Михаилу Игнатьевичу пришлось успокаивать своих особо пламенных сторонников.

– Тихо, что творите, успокойтесь, миряне, – чуть ли не рычал он своим мощным басом.

Борисов тоже приструнил свою группу поддержки. Впрочем, они и кидаться в бой не торопились.

Простых людей тоже можно понять: когда каждый день вокруг тебя происходит какая-то непонятная хрень, не укладывающаяся в голове, поневоле станешь агрессивным и начнёшь искать виноватых. Отношение к магам колебалось от «они наши спасители, сделаем их святыми, пусть ведут нас к счастью» до «из-за них всё зло и неприятности, сожжём их, и всё станет хорошо». Причём одни и те же люди могли сегодня восхвалять магов, а завтра проклинать.

Хром взял ПМ у милицейского и дважды выстрелил в воздух. Снова воцарилось молчание.

– Значит, так, – приказал он, – всех, кто не проживает в оцепленном доме, прошу разойтись по домам или рабочим местам и не мешать проведению спецоперации. Рабочий день в разгаре, нечего ласы точить. Свободны.

Люди нехотя (а как же: телевизора нет, из развлечений только вот перебранки да драки), но начали расходиться.

– Тех, кого эвакуировали, прошу проследовать к месту временного проживания, куда вас определили.

Оставшиеся колонисты понуро отошли от Храма.

– А с вами, товарищи, – сказал Хром, обращаясь к магу и священнику, – я ещё потом поговорю. Сэнсэй, докладывай пока, в чём дело.

– Сигнал поступил в восемь часов. Из квартиры Малитюных, как ты понял. Третий этаж, квартира двенадцать. Жена сказала, что муж себя странно ведёт.

– Может, к нему просто «белочка» пришла?

– Нет, жена сказала, что муж не пьёт. Вернулся посреди ночи с заготовок в лесу. А потом полез к ней в кровать, ну за этим самым делом. А такого, по её словам, с самого Прорыва не было. Она его отпихнула, а тот начал дёргаться, и вроде как у него глаза светиться стали.

– И как же она от него сбежала?

– А у них ведро отхожее стояло около кровати. Жена его на голову мужу – хоп, детей в охапку и на улицу.

– Эвакуировали всех?

– Да, Хомышев, – Сэнсэй кивнул на командира отряда наёмников, взявшего в оцепление хрущёвку, – оцепление поставил, посты в обоих подъездах и на крыше.

– Кто, думаешь, нечисть или лешак?

– Без понятия, Хром.

– Ладно, теперь вопрос к вам: что тут произошло?

Борисов и Михаил Игнатьевич переглянулись.

Первым начал маг:

– Я решил, что войскам Колонии нужна помощь, моя и моих... коллег. Но, увы, встретил неадекватную реакцию со стороны горожан. Михаил Игнатьевич этому свидетель.

– Я хоть и крайне отрицательно отношусь к вашей деятельности, – ответил тот, – но и совершенно не одобряю любые бунты и проявления неповиновения. Я увидел, что происходит что-то неладное, и решил вмешаться, – пояснил он уже Хрому.

– К сожалению, я должен отметить, хоть вы, Михаил Игнатьевич, и не идёте на поводу у безграмотной толпы, но по-прежнему остаётесь в плену предрассудков. Я, как вы утверждаете, могу нанести вред людям.

– Ещё как можете, можете своей богохульной магией ввести в искушение простых жителей и погубить их души. И вместо того, чтобы смириться и каяться, вы ещё и проповедуете... мол, как же это хорошо.

– Надо же, я каяться должен... За что? Хорошо хоть инквизицию у нас в Колонии не учредили. Пока.

– Прекратите, – тихо, но очень зло одёрнул их Хром. – Сергей Иванович, значит, вас никто не звал на боевую операцию, но вы решили проявить инициативу. Так?

– Ну, в общем-то да.

– А вы, Михаил Игнатьевич, просто проходили мимо?

– Да.

– Так какого же... эм... И что вы сделали? Помочь захотели, а вместо этого бучу устроили. Я официально, как комендант Города, заявляю, что против нарушителей правопорядка будут применены самые жёсткие меры. Имейте, Михаил Игнатьевич, это в виду и проведите разъяснительную работу среди своих... мирян. Вас, Борисов, это тоже касается. Сэнсэй, Хомышев, идите сюда. Что думаете делать?

– Взорвать квартиру на хрен, – уверенно заявил командир отряда наёмников. – У меня как раз несколько тротильных шашек припасено.

– Разносить весь дом, – Сэнсэй соорудил недовольную мину. – Да и Малютин там, может, его спасти ещё можно.

– Мы сейчас против неизвестного противника, да ещё магического. Можем потерять людей, если на зачистку пойдём.

– Ага, неизвестного, от которого баба с детьми сбежала, – язвительно заметил Сэнсэй. Наёмник смущённо замолчал.

– Так животное это или нечисть – не определили?

Нечисть, как сказал бы бывший профессиональный экстрасенс (а также по совместительству альфонс и ловелас) Сергей Борисов, – это паразитарная астральная сущность, поглощающая биоэнергию живых существ и способная к ментальному проникновению. Отец Михаил выразился бы проще: демон, бес. Эти астральные сущности как-то могли проникать в Мир колонистов и захватывать тела некоторых животных, а иногда и людей. Животные же обладали только той самой ментальной силой. А магия, которой овладели некоторые люди, являлась вообще чем-то третьим. Поначалу особо рьяные священнослужители называли любую магию бесовством и даже требовали весьма жёстких мер к внезапно проявившимся магам, но, когда выяснилось, что после проведения церковных обрядов магические способности у колонистов никуда не исчезали, пыл поумерили. Тем более и явная выгода от использования магии была.

Что такое магия, ментальная сила и астральные сущности, Хром не разбирался. Зато знал одно: против обычных животных, обладающих ментальной силой, эффективен маг, а для борьбы с нечистью лучше прибегать к помощи священника.

– Хорошо, – сказал Александр, – значит, Борисов пойдёт с нами, постоит на лестничной клетке. Обеспечит магическое прикрытие, как сможет. А вы, Михаил Игнатьевич, постоите на улице, но уж молитесь за нас.

– Может, я всё-таки с вами пойду?

– Вы уже один раз с нами пошли.

– Ту нечисть мы уничтожили с Божьей помощью, а я теперь бронежилет надел.

– Я помню. Хорошо, что вы проявляете осторожность, но в этот раз не лезьте, пожалуйста, в пекло.

– Александр Михайлович, – вмешался маг, – раз вы прибегаете к моим услугам, я бы хотел узнать насчёт той темы, о которой мы с вами говорили. Я...

Хром свирепо зыркнул, и Борисов счёл за лучшее замолчать.

– Ты, как я понимаю, всё-таки полезешь в самое пекло? – спросил Сэнсэй, пока они шли к подъезду.

– Да, и не отговаривай.

– А если всё-таки попробую?

Хром остановился, его голубые глаза встретили спокойный взгляд Сэнсэя.

– Зачем тебе это надо, Саша?

– Надо, Слава, – ответил Хром, исторгнув слова откуда-то из глубины себя.

– Понимаю.

Сэнсэй чуть наклонил голову, жестом показывая, что пропускает Хрома первым в дверь подъезда. За ними вошли наёмник Хомышев и Борисов. У двери «нехорошей» квартиры дежурила тройка бойцов: двое с автоматами, один с обрезом.

– Привет, солдаты, – поздоровался Хром, – слышали что-нибудь из квартиры?

– Никак нет, товарищ комендант, – сипло ответил рябой мужик со свёрнутым носом. – Тихо как в гробу.

– Ясно. Ну сейчас мы подпустим веселья. План такой, – сказал он всем присутствующим, – кидаем в квартиру дымовые шашки и ждём, когда из неё кто-нибудь полезет. Если никого не будет, тогда пойдём на зачистку. Дымовые шашки есть с собой?

– Так точно.

– Отлично, Хомышев, передай по рации, чтобы с улицы камнями разбили окна нужной квартиры и ещё одной на этаж выше. Это для тяги нужно, а то сами задохнёмся. Борисов, ты нас прикроешь магически, предупредишь, если что.

– Может, тогда стоило позвать моих помощников?

– Сам справишься. Работаем по двое. Мы с Сэнсэем первые. Ну с Богом, мужики. Хомышев, передавай по рации, чтобы били окна.

Оглушительно зазвенели стёкла в квартире. Двое наёмников по команде открыли ветхую деревянную дверь, бросили дымовые шашки. Через десять секунд всё помещение заполнил желтоватый дым, но на лестничную клетку не выходил – вытягивался на улицу.

Хром, стоя на колене, с «Ремингтоном» на изготовку, ожидал нападения из квартиры. Да, он хотел, чтобы на них кто-то напал. Ему очень хотелось поквитаться с жителями Мира, кто бы это ни был, за убитых колонистов. Кто-то скажет: мальчишество. Пусть так, но, когда в мужчине умирает мальчик, он превращается в старого импотента.

Из дыма слышались нечёткие звуки, потом хриплый высокий крик и приглушённый удар. Будто чем-то мягким ударили в стену. Крик раздался снова, перешёл в какой-то хриплый клёкот... и из дыма выпрыгнул мужик с перекошенной рожой и открытым ртом. Замахал кухонным ножиком, кинулся на бойцов. Хром принял удар ножика на приклад, толкнул мужика дальше. Наёмники скрутили его за пару секунд, опустили головой вниз по лестнице. Тот что-то нечленораздельно орал и дёргался.

– Спустите его вниз, – приказал Хром, – мы пока тут подежурим. Борисов, чувствуешь что-нибудь?

– Нет, может, он задохнулся?

– Ага, держи карман шире, – ответил Хомышев. – Комендант, мы пошли. Вы нас прикроете.

– Ещё чего, я первый пойду.

– Я думаю, не стоит.

– Что?

– Ничего, виноват, товарищ комендант.

– Так-то, ждём, пока рассеется дым, и идём.

Последние клубы дыма вытянуло в окно, только под потолком осталось небольшое облачко. Хром поправил ружьё и жестом показал – двинули. Он первым вошёл в дверь, слева, чуть позади, Сэнсэй. По телу разлилась знакомая, будоражившая кровь дрожь – предвкушение боя. Впереди ждала схватка за жизнь, танец на острие бритвы. Если б на Александре не висела ответственность за всю Колонию, было бы совсем замечательно.

Бойцы вошли в прихожую, разошлись у поворота на кухню. Проверили комнату. Громко хлопнула выбитая дверь в ванную.

– Чисто, – выкрикнул проверявший её наёмник.

Впереди была гостиная, так густо уставленная плетёными корзинами, что ковра на полу не было видно.

Квартирка была небольшой, заставленной по самое не могу корзинами с сушёными грибами, ягодами, бидонами и банками с мёдом и соленьями. По углам валялись древние советские рюкзаки. Пахло сушёной травой, мятой и плесенью.

«Куда им столько? – досадливо подумал Хром. – Тут же ступить некуда. Как они тут вообще ходили?»

Но эти мысли обтекали спокойный, расчетливый ум бойца, сейчас просчитывавший все возможные варианты развития событий.

– Хомышев, гранату, – приказал Александр.

Бойцы укрылись у стен, наёмник не закатил как положено, а легко подбросил гранату навесиком. Она мягко шлёпнулась на дно одной из корзин. Грохнул взрыв. Осколки забарабанили по стенам и мебели.

Хром приподнялся, держа «Ремингтон» наготове. Большим пальцем руки, которой держал за приклад ружьё, надавил на правый глаз. Картинка раздвоилась. При этом левым глазом Хром фокусировал взгляд на мушке, которой искал цель. Сложно, никто не спорит, но

так можно легко определить: реальная перед тобой картинка или иллюзия. Реальная картинка будет раздваиваться, иллюзия или морок, как пишут в фантастике, будет выглядеть целой, потому что кто-то проецирует тебе изображение прямо в мозг.

Ахромеев присел, выглянул из-за угла в гостиную. Над ним то же самое сделал Сэнсэй, но по противоположенному сектору обстрела. Ничего. Разведчики проскользнули внутрь, стараясь не споткнуться о корзины, за ними вошли наёмники.

Хром на миг ослабил внимание, моргнул. И сразу на него накатила какая-то усталость, ломота, он мотнул головой, и тут... посреди комнаты материализовался белый медведь ростом до самого потолка.

Александр отступил, ошеломлённый, но палец на автомате надавил на глаз. Медведь не раздвоился. Иллюзия? Да, но какая замечательная! Ему бы ещё зареветь, и Хром бы поверил, что он настоящий, несмотря ни на какую логику.

– Не стрелять – это мираж, – крикнул Хром.

Сэнсэй уже и так во всём разобрался, а вот наёмники его фразы не услышали. Ахромеев бросился в угол, Сэнсэй едва ли не встал на мостик, уходя от длинной очереди. Медведь испарился, вместо этого в ушах возник противный писк, зрение подёрнулось дымкой. Хром зарычал, поняв, что это очередное колдовство. Рванул из угла. Гнев в груди будто свернулся в пучок и ударил вдоль позвоночника в голову.

Восприятие мира изменилось, но не так, как во время форсированного режима. Хром видел всё в прежней скорости, но по-другому. Он увидел мерцавший голубым купол, окружавший Сэнсэя, поблёскивавшие жёлтым светом сферы вокруг наёмников, маленький золотой огонёк у себя на груди – нательный крестик. В ушах прогремел голос, похожий на голос Михаила Игнатьевича:

– Спаси Бог!

И Хром увидел, как через всю комнату тянется коричневая «нитка» – точно к старому рюкзаку в противоположенном углу.

– Сэнсэй, на семь часов, – крикнул Александр и выстрелил в том направлении.

Рюкзак с визгом подпрыгнул до потолка, по нему влёт выстрелили наёмники и Сэнсэй из «Вала», от ранца полетели во все стороны ошметки. Рюкзак упал на пол, и из него вывалился лешак. Небольшой пушистый комок, раза в три больше обычной кошки. Маленькие лапки с пятью пальцами, глаза-бусинки, большой нос и узкие выдвинутые вперёд челюсти, прямо как у коалы. Тварь и была очень похожа на коалу, если бы не массивный выступ на лбу.

– Ну чего стреляли? – дыша, как после пробежки, спросил Александр. – Я же сказал: мираж!

– Ну так это рефлекс, – виновато сказали наёмники.

– Ладно, забыли, – ответил Хром, присаживаясь на корточки возле лешака. – Ты глянь, какой мелкий ублюдок.

– Лешак? – спросил Хомышев.

– Лешак, да не простой, – ответил Сэнсэй, внимательно разглядывая представителя местного неразумного вида.

Ахромеев посмотрел в маленькие чёрные глаза-бусинки слабо дёргавшегося лешака, и в ушах опять возник противный писк.

Он навёл ружьё на лешака и нажал спуск. Рывкнул выстрел, «Ремингтон» дёрнулся, серо-зелёное тельце разорвалось. Алые брызги заляпали обои. Попали на штаны и кевларовый бронник Хрома. Сэнсэй благоразумно спрятался за его спиной.

– Ах ты, зараза, – выругался Ахромеев, попутно про себя отметив, что стал слишком импульсивным. А это качество недопустимо для спецназовца, и тем более для коменданта Города.

– Надо позвать Михаила Игнатьевича, чтобы на всякий случай всю квартиру освятил, – сказал Хомышев.

– Да, позови, хорошая идея. Что там, кстати, с её хозяином?

– Живой, – ответил наёмник, – затих уже. Язык себе не откусил, на бедре рана по касательной, неопасная.

– Проследите, чтобы ему помощь оказали как следует, а потом проверили, нет ли каких последствий от его помешательства, – и Сэнсэю: – Давай тоже выйдем, воняет здесь.

Уже когда они вдвоём спускались по лестнице, Александр спросил:

– Не одобряешь моего поступка?

– Почему же? Ты наш лидер. То, что ты хочешь, – это не случайность. Тобой движет интуиция, а интуиция правителя, как ты сам понимаешь, чувство непростого человека.

– Во как! Не знал бы тебя, подумал, ты мне льстишь.

– Мне кажется, тебе захотелось сразиться с кем-то из наших будущих врагов. Может, тебе это зачем-нибудь нужно?

Сэнсэй остановился, Хром опять пристально посмотрел в зелёные глаза друга. Прочитал в них уверенность и честность. Сэнсэй отвёл взгляд, Хром скосил глаза на свои брюки.

– Ё-мое, всё загадил. Придётся переодеваться, и совещание скоро. Ты, кстати, на него можешь не приходить, отдыхай после дежурства. Вечером потом зайди, поговорим.

– Как скажешь.

Хром быстрым шагом двигался по тротуару. Не домой, конечно же. Тащить к детям заляпанные кровью лешака шмотки – нет уж, увольте. Он направлялся в военную часть, где располагался гарнизон Города и главная база войск Колонии.

Уже в гарнизоне в ближайшей каптёрке Хром переоделся. Штаны отдал на благотворительность, а с куртки и кевларового бронника приказал отскоблить кровь начисто. Взамен Александру выдали стандартное обмундирование. В нём он и пошёл на своё рабочее место. По правде сказать, Александр в простой армейской «горке» чувствовал себя гораздо комфортнее, чем в самом дорогом, пусть и пошитом на заказ, костюме.

Хром проследовал метров пятьдесят прямо по улице, свернул на устеленную газоном открытую площадку, разделённую надвое вымощенной дорожкой. Дорожка вела к белоснежному шестиэтажному зданию Администрации Города. Как и был, в камуфляже, Александр поднялся по алой ковровой дорожке на третий этаж в свой официальный кабинет.

– Здрав будь, Афанасий Никитич, – поприветствовал своего гражданского зама Александр, прикрывая дверь и отсекая бешеный цокот трёх печатных машинок.

– И тебе не хворать, Саша.

Здесь хозяйничал Афанасий Никитович Шумов, крепкий жилистый старикан, заместитель Ахромеева по административной работе. Отставной полковник. Кисти его были коричневыми от въевшихся в кожу за долгие годы работы солярки и масла. Афанасий Никитич был полковником запаса по линии снабжения, таким прапорщиком, прокачанным до высшего уровня, но являлся человеком на диво порядочным и организатором показал себя умелым. Именно он взвалил на себя адов груз административной работы Колонии, с которой Александр в одиночку не справился бы. Он и на своём-то формальном рабочем месте, в должности коменданта, порой отсутствовал неделями. Хром сравнивал себя с эдаким феодальным князем, который с дружиной обязался защищать подданных. Он был главой военных, взявших власть в Городе, и непререкаемым авторитетом, которого все беспрекословно слушались. Но ему всё равно приходилось постоянно наведываться в Администрацию и решать проблемы, с которыми Шумов не смог справиться самостоятельно.

– Слышал, ты развлёкся сегодня? – не скрывая укора, произнёс Афанасий Никитич.

– Так получилось, – ответил Хром, плюхнувшись в кресло.

– Получилось у него... Не мальчик уже, должен же понимать, что к чему.

– Ладно, забудем. Вот я пришёл, совещание скоро, а пока есть время, займёмся делами.

Афанасий Никитич напоминал Хрому другого его деда, по отцовской линии, не охотника, а боевого танкиста, прошедшего Войну. Сколько Александр пацаном у него ни гостил летом, ни разу тот его и пальцем не тронул, но всегда на самом видном месте в доме висел старый армейский ремень со здоровенной, до блеска начищенной бляхой, и при взгляде на этот ремень все озорные мысли тухли в зачатке.

– Подпиши продовольственные наряды, всё проверено и в наличии, – Афанасий Никитич протянул кипу бумаг.

– Что ещё? – спросил Хром: он чиркал подписи, отгибая только углы листов.

– Сегодня архиерей приходил с клиром. Спрашивал, когда войско благословлять на поход против бесовской нечисти. Аборигенов то есть.

– Оба-на, чего это он вдруг озаботился? Батюшка решил: мы справедливую войну начинаем?

– Так племянница у него вроде как в том городке погибла.

– Ух ты!

– А на самом деле мы что начинаем?

– Ге-но-цид, – по слогам проговорил Хром.

Против обыкновения это слово не вызвало привычных ассоциаций с могильным холодом и безысходностью. Напротив, Хром почувствовал удовлетворение и мстительную радость.

– О как, прямо всех их перебить собрался, – с иронией произнёс Афанасий Никитич.

– Всех. У нас теперь есть собаки. Напрямую Борисова, пусть он соберёт нам хороших магов. Через пять лет ни одного этого ублюдка в радиусе ста километров не будет.

– Собаки, положим, ещё не готовы. А маги... Я не доверяю Борисову, но главнокомандующий у нас ты.

Последнее слово Шумову удалось произнести практически без сарказма. Вздыхнув, он извлёк из стола тощую папку.

– Что это? – спросил Хром.

– Дело из контрразведки. От Илларионыча принесли. Твои разведчики, группа Баюна, по гильзам не отчитались.

– Вот сука.

– Илларионыч не стал всё афишировать, сначала мне принёс. Думал, ты захочешь сам разобраться.

– Правильно думал, – ответил Хром, принимая папку, и взглянул на часы. – Время до совещания ещё есть, схожу посмотрю, что к чему.

Александр вышел из главных дверей Администрации, обошёл её и оказался на заднем дворе. После спустился в низенькое скошенное зданище с торчащей трубой. Контрразведка – управление, занимавшееся всеми внутренними делами Колонии, связанными с правопорядком, – занимала помещения бывшей котельной, теплотрассы и канализационного коллектора. Тихие укромные помещения – самое то для такой организации.

Контрразведка была создана через полгода после Прорыва и получила такое название за то, что выполняла правоохранительные функции, противоположенные тем, которые стояли перед Разведкой, создаваемой Ахромеевым со товарищи. За несколько месяцев до этого пара сотен бойцов отдельного отряда специального назначения вырезала глав местных ОПГ, которые, пользуясь ситуацией, на пару с владельцами розничных сетей стали тянуть из простых жителей жилы. Спецназовцы взяли власть в Городе – так возникла Колония.

Со временем контрразведчики взвалили на себя обязанности по борьбе с мародёрством, убийствами, разбоем и другими преступлениями в Городе не только среди простых граждан, но и в Разведке.

Первые полгода были самыми трудными. Особенно зима. Хоть колонисты почти обошлись без встреч с нечистью и прочим зверьём Мира, Город, вырванный из единой инфраструктуры Большой Земли и перенесённый неизвестным явлением – Прорывом – в другой Мир, был фактически нежизнеспособен.

Большинство людей, включая свет, зажигая газ или спуская воду в унитазе, не представляют, сколь сложна структура и как многогранна система, позволяющая им пользоваться благами цивилизации. Настоящими благами, конечно, вроде тепла, еды и крыши над головой, а не дорогими игрушками типа мобильных и дорогих шмоток.

Мир Большой Земли – это последовательная цепочка сложнейших процессов, которая обеспечивает саму возможность жизни населения Земли. Вырви одно звено – и вся система развалится. Или население Земли сократится до приемлемой численности, которую может поддерживать естественная экосистема. А если одно звено вырвать и забросить в чужую экосистему?

Несколько обученных, подготовленных к тяжёлым условиям выживания бойцов могут выжить даже с семьёй. Тысячи вырванных из привычной среды беспомощных городских жителей – вряд ли. Только если среди них останутся действительно те, кто *может* выжить.

Проблему голода в первый год удалось решить за счёт армейских складов и тех же розничных сетей. И всё равно смертность первые месяцы была невероятная: диабетики, туберкулёзники, астматики, инвалиды, сердечники, старики – все, кто не мог жить без дорогостоящих лекарств или обходиться без постоянной медицинской помощи, были обречены.

Как ни странно, преступлений в те тяжёлые времена было не так много, как можно было ожидать. Были и мародёрство, и изнасилования – вплоть до каннибализма. Но если сравнить со статистикой преступлений периода, когда Город находился на Большой Земле, то разница в правонарушениях отнюдь не потрясала воображение. Кто-то может сказать, что причина в суровом наказании за преступления. Возможно, но о наказании мало думаешь, если твои дети не ели три дня.

Умные люди говорили, что беда объединяет.

«Чушь!» – вот что думал о таких речах Хром.

Беда не может объединить людей. Их может объединить только нечто понятное и важное для всех, то, ради чего они готовы забыть распри. Общая цель! В первые месяцы Колонии цель была у всех одна – выжить!

С тех пор прошло три с лишним года. Жизнь налаживалась, и вместо сплочённости на поверхность начали вылезать личные амбиции. Появились те, кому не нравилась почти диктаторская власть Хрома и его бойцов. Ахромеев к власти не стремился (учитывая, что речь шла о тысячах людей, находящихся на грани выживания), но и проблем лишних для Колонии не хотел. Поэтому начальник Контрразведки Илларионыч и не стал афишировать произошедшее.

Один из контрразведчиков провёл Хрома по тёмному душному коридору к камере, где содержался командир проштрафившейся группы.

– А, здорово, Хром, я уж думал, меня эти крысы канцелярские совсем изведут, – обрадовался разведчик, увидев командира.

Максим Камышов, позывной «Баюн», двадцать восемь лет. Не спецназовец – сержант-контрактник. Рябой, губастый, с маленьким носом и круглыми невыразительными глазами. Обычный парень, из тех, кто не блещет умом, но если уж что выучил, то накрепко.

– Привет, Баюн, – загадочным тоном поздоровался Александр.

Пока он шёл, то просмотрел тонкую папку дела. После рейда при сдаче оружия у одного из разведчиков, Баюна, обнаружили недостачу патронов в магазине – три штуки. Вахтенный

потребовал объяснений, разведчик замялся. Тогда проверили остальные магазины. В каждом не хватало по две-три штуки патронов. Тут Баюн начал наезжать: чего, мол, разведчика после рейда мучаете. Вахтенный, молодец, не спасовал, приказал проверить магазины у остальной группы. И у всех была нехватка боекомплекта. Вызвали контрразведчиков. Бойцов, вернувшихся из рейда, допросили по отдельности. Показания не сошлись, и всю группу закрыли в Трубе (как иногда называли казематы контрразведки).

– Ну рассказывай, как дело было, – добродушно попросил Александр.

– Да там. Сопровождали мы заготовщиков торфа на неразведанные места. Болота кругом. Ну и засекли нечисть вроде бы. Дали пару очередей, тварь ушла. В рапорте указывать я это не стал. Нечисть-то ушла, доказать ничего не смогу, чего ребятам зря нервы портить. Думал, так проскочу, – не вышло. Вахтенный-то какой хитрожопый! На вес определил, что в магазине трёх патронов не хватает.

– Это да, а гильзы чего не собрали?

– Так болота же, вода кругом, и смеркалось уже. Я поэтому и сообщать не стал, гильзы ведь предоставить не мог.

– А что же заготовщики торфа?

– Так мы от них на полкилометра отошли, они и стрельбы-то толком не слышали, не то что нечисть разглядеть.

– Ага, то есть выстрелы они слышали?

– Да.

– Но они ни при чём?

– Нет, – замотал головой Баюн и тут же опомнился: – Ну, в смысле они не при делах. На месте их не было, ничего видеть они не могли.

Если бы сейчас Баюн не стал оправдываться, Александр, скорее всего, ему бы поверил. Взял бы на карандаш со строгим предупреждением, но теперь...

– Ладно, поехали, – сказал он.

– Куда? – не понял Баюн.

– Как куда, – удивился Александр, – в болота, где вы нечисть видели. Собачек возьмём, дорожки следов проверим. Я порочить честное имя разведчика не дам. Лично всё проверю.

– Да зачем, Хром? Я лучше прямо сейчас в рейд схожу – столько времени тратить.

– Вставай, говорю, прямо сейчас.

– Хром, не надо никуда ехать, – смирился Баюн.

– То есть как?

Всем своим видом Ахромеев демонстрировал глубокое удивление: как это разведчик не хочет восстановить поруганную честь.

– Не было там никакой нечисти. Тур был, в болоте застрял. Ну мы его добились, не пропадать же добру? Мясо потом продали в поселение рабочих.

– Пятьдесят патронов потратили, чтобы добить?

– Ну не совсем добились.

Хром вдруг вспомнил, как его бойцы, измученные после рейда и схватки с нечистью, собирали по одной гильзы, чтобы в Городе их могли снова переснарядить, потому что патронов – адовый дефицит, и его охватила такая ярость к этому «бережливому» разведчику, что он чуть было прямо в камере не пустил его в расход. Но Александр на этот раз не дал чувствам взять над собой верх, хватит с него истории с лешаком.

– Не бережёшь ты патроны, Баюн, – свистящим от гнева голосом сказал комендант. – Но я знаю, как тебе помочь. Отправишься в штрафной роте сторожить торфяные разработки, с арбалетом, – отчитываться ни перед кем не надо будет. Глядишь, через месяц вернёшься другим человеком.

– Да как же, Хром, за что? У меня ж семья...

– Семья, говоришь?

Лицо Хрома вдруг оказалась в сантиметре от носа Баюна – так быстро, что разведчик даже не успел дёрнуться. И лицо это было... мало сказать что страшное. Если бы перед Баюном оказался волкулак или взбешённый тур, он и то бы меньше испугался.

– Семья, говоришь? Ты что, с голоду пухнешь вместе с семьёй? Ты знаешь, зачем гильзы собирают, знаешь, что патроны нужны как воздух, – и всё равно хапнул лишний кусок. Проводил-то без налога, конечно. Ты не у меня, не у Колонии эти патроны отобрал. Ты у своих детей эти патроны отнял, чтобы брюхо своё лишний раз набить. Поэтому полтора месяца на болотах будешь с арбалетом ходить, и помни мою благодарность.

Хром оставил вспотевшего Баюна, хотя в камере было прохладно. Уже открывая дверь камеры, Ахромеев вдруг остановился:

– За семью не переживай. О них позаботимся в любом случае.

И вышел.

Происшествие с Баюном разозлило Хрома.

«Придётся группу расформировать», – с тоской подумал он – группа Баюна считалась опытной.

Александр почти физически ощутил груз ответственности, давивший на шею. Хотелось рвануть по извилистой лесной дорожке, пробежаться между великанами-соснами, а потом нырнуть в ледяной ручей и плавать, плавать... но совещание, назначенное им самим, должно было начаться уже через пятнадцать минут.

4. Тренировка

Совещание Хром не стал затягивать. Объявил дату начала операции (через две недели), назвал подразделения в ней задействованные (около сотни человек) и объявил ответственных за подготовку и снабжение группировки.

Сам же план операции Хром представлял только в общих чертах и хотел сначала детально обсудить всё с разведчиками из своей группы и уже после, полностью готовый, донести только до участников рейда. И исключительно то, что им положено будет знать. Не то чтобы Хром не доверял своим подчинённым – это было скорее профессиональной привычкой. С другой стороны, в Городе найдется немало тех, кто обрадуется, если комендант не вернётся из очередного рейда. Участие группы Ахромеева в операции не обсуждалось. И дело тут было вовсе не в пустой бравате: группа коменданта была *лучшей*, а сам Ахромеев – лучшим бойцом в отдельном отряде специального назначения ещё на Большой Земле.

За бумажной волокитой незаметно пролетел остаток дня. Шумов ушёл, сказал что ему надо проверить какие-то мелочи в автопарке.

В дверь постучали.

– Ты звал, – вошёл Сэнсэй.

– Да, посоветоваться хотел.

– Насчёт операции, – не спрашивал, а констатировал факт разведчик, присаживаясь.

– В точку. Смотри, что мы имеем, – продолжил размышлять вслух Хром. – Противник гораздо лучше знает местность, лучше в ней себя чувствует и передвигается. Значит, может сам выбирать место атаки и отступления. Вдобавок обладает некими магическими способностями. Из слабостей: уступает в численности и огневой мощи. У нас есть собаки и маги, которые, скорее всего, смогут свести на нет преимущества врага. Что ещё можешь добавить?

– Они не воины, – сказал Сэнсэй. – Они охотники, хищники, пусть и высшие, своего Мира. А значит, они не готовы сражаться насмерть, подчиняясь приказам, и при серьёзном отпоре тут же отступят. Они скорее нападут из засады. Заметить в лесу снежных людей наёмникам, как ты понимаешь, не под силу. И уйти от каравана наших солдат им тоже не составит труда.

– Хищники, говоришь, – задумчиво произнёс Александр. – Мне мой дед, охотник, рассказывал, что делает тигр, когда замечает охоту на себя. Он закручивает петлю, чтобы посмотреть на своего охотника с тыла. Понимаешь, о чём я?

Задумку двое разведчиков обсуждали с полчаса. Обоим она понравилась, главным образом потому, что давала возможность нанести серьёзный ущерб аборигенам практически без потерь со стороны колонистов. Осталось обговорить детали с остальной группой.

– Хороший план, – одобрил Сэнсэй. – Слушай, если мы с тобой всё обсудили, то не хочешь сходить в Спортзал и потренироваться? У меня есть кое-что интересное для тебя.

– В принципе, свободен, – заинтересовался Хром.

Спортзал был базой Разведки. Там Хром, Сэнсэй, Скрипач и другие разведчики в свободное от рейдов и штабной работы время тренировали новичков, по возможности готовя их ко всем, даже неизвестным, опасностям Мира.

В просторном зале на последнем этаже четырёхэтажного кубического здания Спортзала, из окон которого открывался вид на весь остальной Город, Хром с удивлением обнаружил двоих ребятшек десяти–двенадцати лет. Парнишки уже переоделись в кимоно и явно давно ждали их.

Хром, тоже переодевшийся в спортивную форму, с интересом глянул на Сэнсэя, которого ребята приветствовали как учителя. Наставник подвёл учеников к Ахромееву.

– Вот, знакомься. Это Максим и Станислав. Стас, посиди пока в сторонке, а Максим сейчас покажет.

Сэнсэй завязал ему глаза чёрным платком, крутанул пару раз, будто собирался играть в жмурки. Пацанёнок пошатался секунду, восстанавливая равновесие, а потом безошибочно направился к Ахромееву и ткнул в него пальцем. Хром подозрительно воззрился на Сэнсэя и, успокоив сердцебиение, накрутил несколько петель по залу. Максим снова подошёл точно к нему. Тогда Хром заложил большую дугу, буквально на цыпочках подошёл и встал рядом с Сэнсэем. Максим уверенно подошёл к разведчикам, но указал на учителя.

– Ты ошибся.

Услышав тихий смех Сэнсэя, пацанёнок огорчённо стянул повязку.

– Не переживай, ты отлично справился. А без ошибок нет роста, – утешил его наставник и крикнул: – Стас, твоя очередь.

Юный каратист деловито подошёл к Александру, уставился на него, поводил руками и через полминуты выдал:

– Проникающее ранение в правую сторону грудной клетки. Примерно семь лет назад. Ранение в брюшную полость в то же время. Глубокие резаные раны на левом предплечье, срок точно не скажу. Огнестрельное ранение бедра около десяти лет назад, перелом плавающих рёбер в юности.

Хром мысленно присвистнул – всё в точку.

– Молодец, – Сэнсэй завязал и этому парнишке глаза, потом предложил: – А теперь ударь его.

– Чего?!

– Хорошо, представь, как бы ты его мог ударить.

Предложение бить ребёнка казалось кошунственным, но всё-таки Хром подумал, как бы он нанёс удар, и даже выполнил начальное движение рукой.

– Ребром ладони в висок, – сказал Стас.

Тут, честно говоря, Хром не удивился. У всякого хорошего бойца развивается чуйка на то, как его будут бить, но это умение нарабатывается десятками лет, и то не у каждого, а тут – просто дар с рождения.

Хром выбросил мощный удар ногой в солнечное сплетение, не довёл, конечно, вытянул ногу вверх и обозначил удар в голову с захлёстыванием затылка.

– Удар ногой, – на этот раз неуверенно ответил мальчик, – в... эм... голову.

– Молодец, Стас, можешь идти. Обоим от меня личная благодарность.

Просиявшие парнишки поклонились и вышли из зала.

– Ну и зачем ты показал мне эту магию? – спросил Хром.

– Это не магия, а умение, которое можно развить в каждом человеке. Магия же – это работа с отдельной энергетической субстанцией, вернее, врождённая способность к этому, которая тоже развивается со временем.

– Пусть так, но это не снимает вопроса.

– Без системы, без упорядоченного знания, талант слеп. Способного ученика надо развивать и направлять, чтобы он не повторял своих ошибок и шёл *правильно*.

– Значит, ты всему этому можешь научить?

– Нет, но вместе с твоими друзьями мы можем создать такую систему, которая позволит это делать.

– Ну что ж, мне идея нравится. Я согласен. В этом и была проблема?

– Не совсем. Чтобы воспитать бойца, его надо учить с детства, чуть ли не с младенчества. Тогда обучение возымеет нужный эффект. Максим и Стас – умелые, талантливые парни, но и они уже опоздали. Да и родились они ещё на Большой Земле, этот Мир для них чужой, а вот твой сын Виктор – у него может всё получиться.

– Вот ты на что намекаешь, – покачал головой Хром. – Обучать детей бою...

– В нашем положении лишние пять лет ожидания, пока дети окончательно вырастут, – непозволительная роскошь. В старину пятнадцатилетний парень воевал наравне со взрослыми и успевал порой поучаствовать в нескольких сражениях.

– Я знаю, что в пятнадцать лет юноша уже полностью сформировался. Но ты не хуже меня знаешь, что мышцы, сила, растяжка и прочее не так важны. Главное – это разум и дух. Нам нужно будет научить детей тому, как убивать и самим не быть убитыми.

– Они всё равно пройдут эту науку. И чем раньше, тем лучше.

– И ты предлагаешь находить детей с такими вот, как у Максима, особыми способностями и с ранних лет готовить их к войне? Ты думаешь, из них что-то выйдет?

– Физическое тело – вещь подчинённая, – туманно ответил Сэнсэй. – Может, сначала потренируемся? Потом ответишь. Разминаться будешь?

– Давай сначала спарринг, я готов, – кивнул Хром.

Оба разведчика разошлись на пяток шагов, встали в центре зала. Сэнсэй – изящный, стройный, но гибкий, как речной поток. Хром – мощный, излучающий силу, но не грубую, давящую, а ту, от которой девяностокilограммовый боец кажется лёгким как пушинка.

Хром атаковал первым: прыжок и удар ногой в единой комбинации, удар левой рукой в голову и снизу – апперкот в челюсть. Сэнсэй ушёл вбок, избежав всей серии, выщелкнул удар от себя. Хром заблокировал, используя инерцию удара, остановил движение, выбросил свою руку вперёд... и едва успел перенести вес тела на другую ногу, потому что опорную подбил Сэнсэй. Хром потерял равновесие, но не упал, разорвал дистанцию и начал медленно обходить соперника по кругу.

Сэнсэй замер в боевой стойке, только поворачивал корпус вслед за Александром. Тот выстрелил мощный маваша в голеностоп. Сэнсэй поднял ногу, пропустив удар под стопой. Хром не растерялся, завершил проносной удар, не останавливая движения, поменял бьющую и опорную ноги и с разворота нанёс мощнейший назад. Сэнсэй мягко заблокировал удар, отвёл уже готовую вонзиться в солнечное сплетение пятку противника и нанёс удар ногой снизу вверх. Удар вышел слабым, смазанным, потому что Хром вырвал ногу из захвата, толкнув Сэнсэя, и сам рванулся в ближний бой. Он уже предвкушал, как костяшки правого кулака вонзятся в низ живота соперника (не в пах, но рядом), а левый локоть – в голову, не сокрушая челюсть, но ударом в скулу отправляя в нокаут. Но вдруг правое плечо словно пронзило ударом тока.

Рука онемела. От боли потемнело в глазах. Хром в ярости вцепился левой рукой... куда-то, пальцы ощутили сопротивление плоти. Тут планка вернулась на место... Хром разжал ладонь и рухнул на пол.

В глазах прояснилось, Александр увидел над собой Сэнсэя, виновато потиравшего шею, на которой остались красные следы от пальцев Хрома.

– Извини, я не должен был этого делать, – Сэнсэй помог другу подняться.

– Нормально, рабочий момент, – чувствительность руки уже вернулась, и Хром с интересом добавил: – Это то, чему ты можешь научить?

– Нет, но мы вместе можем дать ученикам больше.

– Хм, но что же тогда твоё... искусство.

– Оно... Прости, я не могу об этом говорить другим – связан клятвой. И могу её нарушить, только если... если почувствую, что могу её нарушить. В отношении тебя я не чувствую.

Сэнсэй огорчённо посмотрел под ноги. Он явно переживал.

– Понимаю, ну что ж. Я согласен с твоим предложением.

– То есть?

– Мы будем искать одарённых детей и учить их выживанию в этом Мире. А там... может, и они достигнут своих высот.

– Человеческое тело – вещь подчинённая, – повторил Сэнсэй.

– Ага. Научатся скалы крошить руками, обходиться месяцами без еды и прозревать будущее, – хохотнул Хром, Сэнсэй на это ответил хитрым взглядом.

– Да, а по поводу идеи операции... Надо бы с ребятами обсудить. Сейчас около шести. Через час собираемся в столовой Спортзала. Ты «за»?

– Естественно.

Столовая выглядела как столовая – обычное общепитовское заведение. В ней и питались студенты, учившиеся в здании Спортзала, так же как когда-то было на Большой Земле. Сейчас здесь было непривычно мало народа, даже повара после раздачи еды вышли.

Вся группа Ахромеева – лучшие воины Колонии – собралась за одним столом. Сперва поели (солдат ест и спит, когда есть возможность), потом уже начали разговор о делах.

– Значит, ты всё-таки решил отправить солдат в лес? – напрямик спросил Каскадёр.

– Да, решил.

– Хром, ну это же абсурд. Наёмники не готовы к боям в лесу. Это напрасный перевод личного состава. Их там запутают и в ловушку заманят. А разведчиков у нас слишком мало, чтобы ими рисковать.

Каскадёр был абсолютно прав. Разведчики – это элитные солдаты Колонии. Те, кто обладал соответствующим опытом и подготовкой на Большой Земле, а после в Колонии прошёл ещё одну школу обучения. Они действительно были единственными, кто мог уйти далеко в лес с приемлемой гарантией вернуться живыми. Но даже самые подготовленные солдаты погибали. Так группа Феди Муромцева, хорошего друга Хрома, полгода назад ушла в рейд на восток, а через три месяца её бойцы вернулись уже нечистью. Феди среди них не было. Потеря каждого разведчика – невосполнимая утрата. Но разведчик – это не только самый лучший воин, но и тот, кто первым на себя принимает удар. А как Хром и остальные спецназовцы могут подготовить новобранцев к сражению с опасностью, если и сами не знают, что собой представляет эта самая опасность? Только собственной кровью, смертельно рискуя, разведчики могут *разведать* – добыть для колонистов жизненно необходимые знания о новом Мире.

Ахромееву и остальным приходилось готовить группы сталкеров – бродяг, уходивших в неизвестность и первыми принимавших удар на себя. Так и бойцы Муромцева, расплатившись жизнями, предупредили Колонию об опасности, которую рано или поздно придётся уничто-

жить. И основная забота об этом тоже ляжет на разведчиков. Опять-таки потому, что лучше них никого нет.

– Я понимаю тебя, Каскадёр, – спокойно ответил Хром. – А что ты предлагаешь?

– Усилить наблюдение, и заставы, и охрану караванов. Отдельные подразделения наёмников начать выводить как можно глубже в лес – пусть привыкают. А когда они оботрутся в лесу, через полгода можно и облавы проводить.

– Ты думаешь, у нас будет много шансов поймать аборигенов на их территории, даже если с нами будут тысячи подготовленных к лесным боям солдат?

– А сейчас будто эти шансы выше?

– Если проводить всё как обычную облаву, то нет. Но если использовать уловку, то мы можем победить. Послушайте, что мы придумали с Сэнсэем...

– Ну и наглость, – восхитился Гусар, выслушав план.

– Ха, значит, точно сработает, – хлопнул его по плечу Каскадёр. – Ну ты голова, командир. Я с тобой.

– И я, – поддержал Пайза.

– Мы все с тобой, – подвёл итог Скрипач.

– Тогда будем готовиться, авось с Богом победим. Расходимся, мужики, дел ещё у всех полно.

5. Сборы

В Городе царил напряжением. И это было связано не только с предстоящей карательной операцией против аборигенов. К походу готовились два больших каравана: на юг и на восток. Разведчики определили, что лесов там меньше и земля хорошая, а значит, возделывать её легче и урожай с неё будет большим. Около двадцати тысяч человек готовились отправиться навстречу неизвестности – покинуть Город и защитное кольцо форпостов вокруг него. Когда покидаешь родной дом, всегда нервничаешь, а тут ещё аборигены эти...

Выход планировали по первому снегу, на Новый год. Новый год в Колонии отмечали так же, как и на Большой Земле, – в последний день первого месяца зимы. В качестве тягловой силы собирались использовать потомство прирученных волков, благо здешние особи серых хищников были размером с доброго телёнка. Ещё удалось приручить местных лошадок – неказистых низеньких животных с костяными шипами на ногах. Также планировали впрячь быков и коров из оставшихся колхозов. Сами колхозы пережили несколько дефолтов, и факт Прорыва не сильно сказался на их общем состоянии.

Ахромеев периодически вникал в подготовку к эдакому небольшому исходу, но времени до него ещё оставалось достаточно, так что все его мысли были заняты будущей карательной акцией против аборигенов.

Кроме рейдов, у Ахромеева и его парней было достаточно ответственной работы. Скрипач, Сэнсэй, Каскадёр и, в меньшей степени, Гусар тренировали бойцов в Разведке. Скрипач, в основном, вёл огневую подготовку, в его руках любое оружие «играло» что инструмент виртуоза. Каскадёр занимался с бойцами физикой, рукопашкой и ножевым боем. Минированию почти не обучали в Разведке – незачем.

Общее руководство Разведкой и, откровенно говоря, всеми силами Колонии осуществляли на пару Рог и Пайза, им помогали те же Сэнсэй и Каскадёр. Хотя первые, бывало, тоже сбегали от адовой бумажной работы в Спортзал. Хром же старался успевать везде и быть в курсе всех событий. Он знал: тот, кто хочет быть везде, не успеет никуда, но старался – и у него почти получалось. По-другому было никак.

Сейчас он коротал время в ожидании важного гостя у себя в кабинете за просмотром таблицы батальонных рейдов. Разведка была поделена на несколько батальонов, а те делились на группы. За каждым батальоном был закреплён сектор ответственности вокруг Города. Следовало наладить координацию с мирными караванами, чтобы рейды совпадали по маршрутам

с выходами лесорубов и заготовщиков. Ну и вставлять фитили тем, кто эту синхронность нарушает. В район, где планировалась операция против аборигенов, рейды были прекращены. Это могло насторожить врага, но тем лучше.

В дверь тихо, но уверенно постучали.

– Заходите.

Сергей Борисов в сером костюме и с чёрной бородкой был как всегда элегантен и импозантен.

– Доброго дня, Александр Михайлович. Вот, прибыл по первому требованию коменданта.

– Рад вас видеть, садитесь, – выдавил из себя улыбку Хром.

– Я так понимаю, вы меня вызвали по поводу участия меня и моих... друзей в возмездии вероломства и наведении справедливости.

Александр хмыкнул. Самое интересное, что газеты и глашатаи на рынках именно так представляли будущую операцию.

– Да, вот именно по этому поводу я и хотел проконсультироваться: какую помощь вы можете оказать армии?

– Мы можем обучить солдат методике защиты от ментального воздействия.

– Как защищаться от ментальных ударов и тому подобного, у нас есть кому обучить. Я говорил о другом.

Борисов удивлённо поднял бровь, Ахромеев не удостоил его ответом.

– Хорошо, – продолжил маг, – мы можем, в свою очередь, ментально воздействовать на противника и обнаруживать его, если он тоже применит свои способности.

– И всё?

– Вы намекаете на методы прямого физического воздействия?

– Мне известно, что вы над этим работаете.

– У нас есть идеи по... заклинаниям, – это слово Борисов произнёс словно имя любимого ребёнка, – будем называть вещи своими именами. Эффект предполагается как от выстрелов нескольких дробовиков. Причём противник от удара магии уйти не сможет.

– Вот это хорошо. Мне нужно десять умелых магов. Найдёте столько?

– Безусловно, я сам готов отправиться на операцию. Но что там с моим обращением о регистрации?

– Что касается вашей... хм... организации, то вопрос по ней будет решён как раз по итогам рейда.

– Что ж, приятно слышать.

– Я дополнительно вам сообщу о совместных сборах для налаживания взаимодействия.

Борисов поклонился и вышел.

Хром тяжело выдохнул. Борисов хотел создать организацию магов, хэх... своеобразную Разведку. Профсоюз магов – якобы для защиты прав колонистов, наделённых магическими способностями. Естественно, это был лишь повод для магов предъявить свои права на часть власти в Городе. С другой стороны – ну надо же как-то магов контролировать. Александр с хрустом потянулся, встал и взял с вешалки куртку. Следующую беседу он хотел провести лично. Всё-таки встреча планировалась с женщиной.

Огромный жизнерадостный овчар прыгнул на сетку вольера. Он, стоя на задних лапах, был выше Ахромеева. Пёс неожиданно звонко тявкнул и умчался по своим собачьим делам. Ахромеев же открыл дверь вольера и вошёл на присыпанную мелким песком площадку. Вокруг носились штук тридцать разнокалиберных псов. Самый крупный почти доставал холкой подмышки отнюдь не маленького Ахромеева. У дальней стенки рядом с будками лежала сука дымчатой шерсти и кормила щенков.

Посреди вольера неподвижно стояла рыжая девушка. Она выглядела ещё более хрупкой и беззащитной на фоне огромных псов, способных вышибить дух не то что из крепкого мужчины, а из здоровенного медведя. Но ни один из резвившихся в вольере кобелей не смел даже приблизиться к ней и на метр.

– Доброго дня, Анна! – поздоровался Ахромеев.

Девушка только сейчас обернулась, хотя несомненно узнала о присутствии коменданта, когда он только подошёл к вольеру. У неё было нежное, в веснушках, лицо, небольшой нос, большие глаза, ярко-голубые, как у Ахромеева, но на несколько тонов светлее.

– Здравствуйте, Александр, – девушка отвернулась, будто потеряла интерес к коменданту.

К ногам припал уже знакомый дымчатый овчар. Александр затруднился бы определить его породу. Пёс походил на помесь алабая и добермана, только ещё крупнее. Несмотря на размеры он всё равно не рисковал касаться человека.

– Его зовут Руфус, – не оборачиваясь, сказала Анна Истомова, главный кинолог Города. – А это его мать – Синяя, – девушка показала на кормящую суку, – а вот отец и вожак – Цезарь.

Анна указала на здоровенного, чёрного как ночь пса, положившего медвежью башку на мощные лапы и неодобрительно смотревшего на резвившихся отпрысков.

– Вас любят животные, плохих людей они чувствуют.

– Так и я тоже люблю собак. Они у вас хорошие: сильные, умные.

Анна развернулась как по команде кругом, недобро посмотрела на Александра. Не говоря ни слова, она вытянула руки, закрыла глаза. Её губы зашевелились. Собаки в вольере разом прекратили игры и вернулись каждая в свою будку. Только Цезарь ткнулся носом в ладонь девушки, лизнул её языком.

– Пойдёмте, – сказала Истомова.

Девушка заперла дверь вольера и повела Александра за собой в небольшой домик, внутри оказавшийся весьма уютным. Когда-то Александр, ещё до Вики, встречался с одной собачницей. Та была редкой неряхой, и у неё в квартире постоянно воняло собачьим кормом. Зато женщина была яркой и настоящей – Ахромееву такие нравились. В домике Истомовой собачьим кормом не пахло, напротив – в воздухе витал аромат полевых цветов. От печки в углу шло живое тепло, столик посреди комнаты был застелен цветастой скатертью.

– Чай, кофе? – осведомилась Анна.

– Нет, спасибо.

– Хорошо, да вы присаживайтесь. Я знаю, зачем вы пришли. Вы хотите отправить моих питомцев на войну.

– Строго говоря, не на войну, но в целом вы правы.

– Значит, вы всё-таки решили развязать эту бойню?

– Анна, не я эту бойню развязал, но она была неизбежна.

– Вам бы только воевать. А как же колонисты? Сколько их погибнет в этой бессмысленной войне? Не говоря уже о коренных жителях.

– Да, погибнут многие, но, увы, любую проблему надо решать, и быстро. Чем дольше проблема не решена, тем больше сил и средств в конце концов придётся потратить на её решение. И тем больше колонистов в итоге умрёт, – холодно отчеканил Хром.

– Война никогда не была решением проблемы. Надо же искать какие-то точки соприкосновения, налаживать контакт.

– Перестаньте, – коменданта даже не злил, а слегка забавлял разговор с этой доброй, искренней и по-своему наивной девушкой. – Вы, кажется, по образованию зоолог? Вы должны знать. Мой дед, старый охотник, рассказывал: такой гордый и благородный зверь, как уссурийский тигр, при любой возможности жрёт детёнышей бурого медведя. И медведь отвечает ему тем же. Если они оставят детёнышей в живых, те вырастут и станут конкурентами им и их

потомству. А волки – до чего умные твари! За любого из своей стаи они гурьбой кинутся, глотку перегрызут, но, если охотник полезет в нору доставать щенков, вмешиваться не будут. Почему? Да потому, что щенки ещё маленькие, что из них вырастет – кто знает, а в драке с охотником могут пострадать члены стаи, уже взрослые и матёрые сородичи. Вот такая вот звериная целесообразность. И это законы природы, а они – ох какие суровые. По сравнению с ними кипплинговское «каждый сам за себя» – просто верх гуманизма. И местные аборигены будут воевать с нами по этим законам не потому, что злые и жестокие, а потому, что хотят выжить.

Анна не нашлась, чем ответить, и решила сменить тему:

– И поэтому вы хотите моих животных забрать на свою войну. Но я уже вам докладывала: они не готовы. Не готовы, понимаете?

– Что, все? Тем более особых навыков от них не требуется. Караульная служба, ну, максимум, пройти по следу.

– А вы учитываете, что мы можем потерять породу, которую выводили два с половиной года?

Глядя на то, как Истомова отстаивает свою позицию, Хром всё больше убеждался, что с ней ему повезло так же, как и с Сэнсэем.

– А вы учитываете, что без собак большая часть колонистов в лесу будут как слепые котят? – поинтересовался, в свою очередь, Александр.

Четверть минуты длилась борьба взглядов.

– Хорошо, – Анна опустила голову, – раз такое дело, я согласна, но у меня есть условие. Я пойду вместе с ними.

– Как скажете. Сколько собак вы можете отправить вместе с солдатами?

– Десять.

– Отлично, столько же, сколько и магов с нами будет. Через два дня я вызову вас на сборы, там подразделения, которые пойдут в рейд, будут отрабатывать взаимодействие. Какие-нибудь пожелания по работе есть? Может, проблемы какие-то?

– Нет, всё отлично, – едкостью ответа можно было прожечь броню танка.

– Раз так, до встречи.

Александр не отреагировал на колкость Анны. Он её понимал, но, в конце концов, ему тоже совсем скоро вести своих солдат в неизвестность.

6. Поход

Телега дёргалась и подпрыгивала на корнях и кочках, но всё-таки ехала по извилистой звериной тропе среди пары десятков таких же транспортных средств, влекомых лошадёнками размером с осла. На ней, используя вместо сиденья набитый соломой тюфяк, ехала Анна Истомова. Комфортом и не пахло, но зато девушка могла вдыхать свежий, пахший хвоей воздух. Город действительно изрядно утомил, но, насколько сильно, стало понятно только в настоящем лесу.

«Надо было давно выбраться, вот и собаки рады», – подумала Анна.

Она чувствовала каждого пса, трусившего по бокам каравана, их радость и удовольствие от прогулки, но докучать своим присутствием в их разумах не стала.

Ехала она не в гордом одиночестве, а вместе с возникшим и пулемётчиком Валентином: юным курносый парнем, у которого до конца ещё не сошли прыщи. Он одновременно был и охранником, и сопровождающим Анны. Пахло от него потом и оружейным маслом. На Большой Земле Истомову это могло в равной степени дико возбудить или вызвать отвращение, а здесь это обычный запах мужчины-воина, к которому она давно привыкла.

– Можно к вам присоединиться? – услышала девушка мягкий вкрадчивый голос.

Она обернулась и увидела мага Борисова. Даже в армейской форме тот умудрялся выглядеть пижоном. Быстро шагая рядом с телегой, он протянул ей цветок – синюю незабудку.

- Благодарю, – благосклонно приняла подарок Анна, и Борисов запрыгнул на телегу.
- Наслаждаетесь природой?
- Да, здесь красиво, чисто.
- Вашим псам нравится?

Анна глянула на Цезаря и Эльзу, бежавших по бокам от её телеги и изредка пропадавших в зарослях:

- Да, им очень нравится.
- У вас большой талант, – Борисов не сделал комплимент, а просто констатировал факт.
- Что есть, то есть.

Анна сразу закрылась, Сергей Борисов не раз начинал с ней этот разговор. Она не хотела вступать ни в какие профсоюзы и организации. Не потому, что боялась бороться, – девушка чувствовала, что зачем-то нужна Борисову. А когда тебя используют как инструмент – это противно. Истомова была в ответе за тех, кого приручила, и рисковать ими ради каких-то непонятных интриг она не собиралась. Но Борисов не стал развивать тему.

- Вы хорошо ладите с животными.
- Да, я их всегда любила, училась даже на зоологическом.
- А где?
- МГУ закончила.
- А как же вы в нашем городке оказались до Прорыва?

О, это долгая история. Включает в себя разбитые мечты и упавшие воздушные замки. Спасать редких животных оказалось никому не нужно. А нужно было обслуживать важных клиентов, приехавших на охоту... на редких животных. Это не для меня. Подруга как-то пригласила к себе, она свою ветеринарную клинику открыла. А через три месяца... Прорыв. Подруга умерла от туберкулёза через полгода.

- Так вы жалеете, что сюда попали? – напрямик спросил маг.
- Анна склонила голову и не ответила. Она не жалела.
- Воркуете? – послушался сзади хриловатый голос.

Это комендант Города и его подручный, нагловатый Каскадёр, нагоняли телегу. Подручный коменданта и задал вопрос. Каскадёр напоминал ей матроса или даже ирландца, как их показывают в фильмах: низкорослый, лысоватый, крепкий и задиристый.

– Мы присоединимся, если вы не против? – приятным баритоном спросил комендант, Хром, как к нему обращались все в походе.

- Хозяйка колесницы Анна, – ответил Борисов.
- Залезайте, чего уж, – сказала Истомова. – Я думала, вы впереди идёте. В разведке.
- Э-э-э нет, – ответил Каскадёр, – мы элита, нами так просто рисковать нельзя. Мы вступим в бой в самый важный момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.